

ЛЮБОВЬ
И БЕЗУМСТВА
ПОКОЛЕНИЯ ТРИДЦАТЫХ

*Румба
над пропастью*

Их проклинали современники. Им завидовали небеса!

**Татьяна Викторовна Умнова
Елена Владимировна Прокофьева
Любовь и безумства поколения
30-х. Румба над пропастью**

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5742777
Любовь и безумства поколения 30-х: АСТ; Москва; 2013
ISBN 978-5-17-077695-5*

Аннотация

Тридцатые... Страшные, гордые годы, когда ужасы гражданской войны и революции были уже пройдены, а Великая Отечественная еще не началась. То, что происходило в стране, трудно поддается описанию. Тем удивительнее те истории любви, ревности, предательства и благородства, которые случались вопреки всему. Лев Ландау и Кора Дробанцева, Рихард Зорге и Екатерина Максимова, Михаил Булгаков и Елена Шиловская, Михаил Тухачевский и таинственная «Лика», Дмитрий Шостакович и Нина Варзар, Валентина Серова и Константин Симонов, Янина Жеймо и Леон Жанно. Их проклинали современники. Им завидовали небеса.

Содержание

Михаил Кольцов и Мария Остен:	4
Михаил Кольцов и Мария Остен	4
1	6
2	8
3	9
4	11
5	13
6	16
7	18
8	21
9	23
10	26
11	29
12	30
Рихард Зорге и Екатерина Максимова:	31
Рихард Зорге и Екатерина Максимова	31
1	32
2	34
3	36
4	38
5	42
6	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Елена Владимировна Прокофьева, Татьяна Викторовна Умнова Любовь и безумства поколения 30-х. Румба над пропастью

*Любовь – это сон в сновиденьи...
Любовь – это тайна струны...
Любовь – это небо в виденьи...
Любовь – это сказка луны...
Любовь – это чувственных строк душа...
Любовь – это дева вне форм...
Любовь – это музыка ландыша...
Любовь – это вихрь! это шторм!
Любовь – это девственность голая...
Любовь – это радуга снов...
Любовь – это слезка веселая...
Любовь – это песня без слов!..
Игорь Северянин. «Любовь»*

Михаил Кольцов и Мария Остен: «Очень хочется жить...»

Михаил Кольцов и Мария Остен

– Кольцов (Фридлянд) Михаил Ефимович (31 мая 1898 года, Киев, Российская империя – 2 февраля 1940 года, Москва, СССР) – журналист, разведчик.

– Остен (Грессгенер) Мария (20 марта 1908 года, деревня Нойгольц, Восточная Пруссия – 16 сентября 1942 года, Москва, СССР) – писательница, журналистка, памфлетистка.

– Он – азартный, храбрый, блестящий, авантюрный, умеющий наслаждаться жизнью во всех ее проявлениях, любвеобильный и отчаянный.

– Она – идеалистка, верная до самозабвения, отважная, твердая в принципах, самопожертвенная натура.

– Для него она – третья жена. Для нее он – второй муж.

– Общих детей не было. Двое приемных сыновей.

– Познакомились в Германии в 1932 году. Впрочем, официально женаты не были, что в 1930-е годы было распространенным явлением.

– Она ему изменяла, что едва не привело к разрыву накануне его ареста. Но Мария на самом деле так сильно любила Михаила, что пыталась его спасти, – и разделила его судьбу.

Он всегда был там, где происходит что-то важное и интересное, казалось, даже, умудрялся успевать сразу в несколько мест, и когда он появлялся, тут же все загоралось и кипело, все менялось, потому что этот энтузиазм и эта радость жизни были неодолимо заразительны. Небольшого роста, не особенно крепок здоровьем, ничего не видит без очков, и при этом – азартен до самозабвения, авантюрен до безрассудства и совершенно бесстрашен. И писал он так легко и вдохновенно, что именно его статей и фельетонов читатели ждали, их искали в первую очередь, открывая «Правду» или «Огонек». В те времена Михаила Кольцова называли «журналист номер один». Сейчас бы его назвали – журналист от Бога.

Слишком талантливый, слишком яркий, слишком часто лезет туда, куда не следует... Многовато «слишком» для того времени. «Слишком прыткий», – решил однажды Сталин и росчерком красного карандаша оборвал эту жизнь так, как он любил – на самой высокой точке взлета, чтобы было больнее падать.

Рассказывали, что вокруг Михаила Кольцова возникало особенное поле притяжения, куда неизбежно попадали интересные люди. Так же обстояло и с женщинами – все они были необыкновенными. Кольцов был дважды женат. И оба раза не очень удачно. Один раз, будучи совсем еще юным, он влюбился в хорошенькую талантливую актрису Веру Юреневу, которую обожал весь Киев. Его вторая жена, Елизавета Ратманова, была полной противоположностью первой – не особенно красивая, строгая и отчаянно храбрая внучка путешественников, капитан танковой бригады в Испании. А потом...

Потом Михаил встретил настоящую любовь, неожиданно, как это всегда и бывает.

И это была любовь с первого взгляда и на всю жизнь.

Она была немка, ее звали Мария Остен. Нежная и трепетная, как Вера, и вместе с тем лихая и отважная, как Лиза... Они с Михаилом были похожи, видели мир одинаково и понимали друг друга с полуслова. В их отношениях тоже было не все гладко, была измена, была ревность, и в конце концов страсть остыла, но любовь и преданность оставались до самого конца. У них не было «долго и счастливо» и умерли они не в один день, но можно сказать, что умерли они вместе.

Они умерли друг за друга.

1

...А началось все в Киеве 31 мая 1898 года, когда в семье торговца обувью Ефима Моисеевича Фридлянда и его жены Рахиль Савельевны родился первый сын, названный Моисеем, или же по-русски – Михаилом.

Если верить рассказу одного из потомков Фридляндов, семья была родом из Белостока и переехала в Киев, когда скоропостижно скончался отец Ефима Моисеевича, чтобы поддержать его вдову. Спустя несколько лет Фридлянды вернулись в Белосток, и именно там Михаил и его младший брат Борис, родившийся в 1900 году, поступили в реальное училище, где учились вполне благополучно и ровно и где в скором времени проявились таланты обоих мальчиков: братья издавали рукописный журнал, в котором Михаил был литературным редактором, а Борис – художником.

В дальнейшем Фридлянды снова переехали в Киев, а Михаил в 1915 году уехал в Петроград, где поступил в Психоневрологический институт. Уже в 1916 году он начал печататься и, вероятно, тогда же определился в будущей профессии – журналистике, окончательно поняв, что ему интересно и чему именно посвятит он свою жизнь.

А жизнь в то время в столице Российской империи была чрезвычайно интересной...

В феврале 1917 года грянула революция, в результате которой в России была свергнута монархия и к власти пришло Временное правительство во главе с Александром Керенским. Михаил был активным участником происходивших событий, находился на переднем крае, рискуя жизнью. И писал восторженные репортажи.

Однажды кто-то запустил в грузовик, в котором он ехал, горящую головешку, попавшей Михаилу в лицо. Позже он так описывал этот случай в репортаже с места событий: «...Паренек с Выборгской кричал кому-то в огонь речь. Девушка, бледная, с блестящими глазами, омывала мне снегом рану. Я лежал на ее платке, ошалелый от удара, счастливый кровью, солнцем и шумом».

И пожалуй, эти последние слова можно было бы поставить девизом ко всей его жизни, так он и будет лететь вперед – счастливый кровью, солнцем и шумом. Будет лететь, пока не разобьется...

Гораздо менее восторженно Кольцов встретил Октябрьскую революцию и далеко не сразу вступил в партию большевиков. Поначалу он примкнул к группировке «Межрайонцев», возглавляемой Троцким, и, собственно, уже вслед за Троцким пришел к большевикам. Он вступил в партию в 1918 году и почти тот час же демонстративно вышел из нее, написав открытое письмо в «Киногазету», где заявил, что ему не по пути с советской властью и ее комиссарами.

Тем не менее в том же году он, видимо, вернулся в ряды большевиков, потому что оказался в занятом германскими войсками Киеве в составе советской дипломатической миссии...

Как вспоминает его брат Борис, взявший впоследствии псевдоним Ефимов, «Кольцов, забыв на время журналистику, с головой ушел в другое дело. Он работает в так называемом Скобелевском комитете, в области документальной кинохроники, снимает эпизоды Гражданской войны в Финляндии, потом братание русских солдат с немецкими на фронте. Наконец сопровождает со своей маленькой киногоруппой советскую делегацию на мирные переговоры с Украинской державой, которая обрела полную „независимость” за штыками германской оккупационной армии. Это, между прочим, дает Кольцову возможность заехать в Киев и повидать после долгой разлуки родителей и младшего брата, то есть меня. Но политические и военные события развиваются настолько стремительно, непредсказуемо и не всегда благоприятно, что Кольцов застревает в Киеве. И надолго.

С детства знакомый родной Киев предстает в глазах Кольцова по-новому. Красавец-город совсем недавно перестал быть ареной ожесточенных уличных боев, кровавых расправ, сопровождавших смену враждующих между собой властей. Теперь, после вступления в город немецкой армии под командованием фельдмаршала фон Эйхгорна, здесь воцарилось полное спокойствие. Трудно представить в ту пору больший контраст, чем между суровой, голодной и холодной Москвой и сытым, благодуществующим, развлекающимся в бесчисленных кабачках и кабаре, клубах и театриках Киевом. Неугомонную журналистскую натуру Кольцова интересуют и порядки германской оккупации, и скрытое, но упорное народное сопротивление ей, и премьеры в обосновавшихся в Киеве московских театрах, и возглавляемые Симоном Петлюрой украинские гайдамаки, затаившиеся где-то под Киевом, и многое другое. И конечно, немаловажное место занимают возникшие близкие отношения с Верой Леонидовной Юреновой, известной всей стране актрисой, ставшей здесь, в Киеве его женой».

2

Вера Юренева, в девичестве Шадурская, была старше Михаила на двадцать два года и до знакомства с ним успела дважды побывать замужем, не говоря уж о многочисленных романах. Ее первым мужем был дворянин Иван Юренев – чью фамилию Вера и оставила себе в качестве театрального псевдонима. Вторым мужем был поэт и драматург Александр Бродский. (В конце 1930-х годов он будет репрессирован так же, как и Кольцов, так же, как и последний муж Юреновой, и никто из них не вернется из лагерей.)

Родилась и выросла актриса в Москве, окончила Петербургское театральное училище и некоторое время играла в Александрийском театре. Однако путь к славе в столице оказался слишком тернист, и вскоре Вера перебралась в провинцию – в Киев. В 1906 году она поступила в театр «Соловцов», где очень скоро начала получать главные роли и заблистала самой яркой звездой.

Несмотря на творившуюся в стране неразбериху и постоянно сменяющуюся власть, театр «Соловцов» всегда собирал аншлаги и являлся островком незыблемого благополучия; перед лицом прекрасного примирялись враждующие стороны, и страсти кипели разве что вокруг хороших актрис.

Михаил Кольцов часто бывал в театре и, как и многие до него, был покорен красотой и грацией актрисы, которую называли воплощением женственности. Она сама говорила, что основное ее амплуа – любовь. Так было и на сцене, и в жизни... Веру не смущала разница в возрасте – незадолго перед тем у нее был роман с начинающим композитором Исааком Дунаевским, которому было тогда всего 19 лет и для которого Вера Юренева стала первой настоящей любовью. К роману с юным музыкантом влюбчивая и ветреная актриса относилась несерьезно, тогда как Михаил Кольцов по-настоящему завоевал ее сердце. Настолько, что она согласилась стать его женой и даже уехала вместе с ним в Москву, когда в Киеве случился очередной переворот и дипломатической делегации Советской России пришлось срочно покинуть город. В газетах ее поступок называли «еще одной победой большевиков».

Кстати, считается, что именно Кольцов вдохновил Веру Юренину на создание одного из самых удачных образов ее сценической карьеры – Лауренсию в постановке «Фуэнте Овехуна» («Овечий источник»), по пьесе Лопе де Вега, премьера которой состоялась 1 мая 1919 года в советском Киеве. (В ту пору театр «Соловцов» назывался уже «Театром имени Ленина».) По сюжету пьесы жестокий господин испанской деревни обесчестил крестьянскую девушку, отняв ее у возлюбленного прямо во время свадьбы. В ответ на это в деревне вспыхнуло восстание. Юренева, привыкшая к ролям аристократок, на сей раз сыграла крестьянку, призывающую односельчан к бунту – и сделала это так убедительно, что потрясла и заполнивших зрительный зал пролетариев, и бывалых театралов.

Семейная жизнь продлилась не долго, уже в 1922 году Кольцов и Юренева расстались, но, по всей видимости, сохранили хорошие отношения. По крайней мере много лет спустя Михаил писал бывшей жене из Испании, рассказывая, что побывал в настоящем городке Фуэнте Овехуна. «Если бы Вы сюда приехали со спектаклем „Лопы“ – все бы потряслись», – добавил он под конец.

После развода с мужем Вера Юренева уже не вернулась в Киев, до середины 1950-х годов она играла в различных театрах Москвы и Ленинграда и даже получила звание заслуженной артистки РСФСР. Потом – как это часто и бывает – угасающая звезда оказалась в забвении и доживала свой век в одиночестве в коммунальной квартире в центре Москвы. Она умерла в 1962 году и похоронена на Новодевичьем кладбище.

3

1920-е годы были временем невероятного вдохновения и самых радужных надежд. Гражданская война закончилась победой советской власти, теперь народу, разрушившему «мир насилия», предстояло строить новое, счастливое и справедливое государство. В выбранной им сфере деятельности Михаил Кольцов взялся за дело с присущим ему энтузиазмом. Еще в 1920 году, сразу после возвращения из Киева в Москву, он стал постоянным корреспондентом «Правды», куда писал фельетоны и очерки.

Для того чтобы добыть интересный материал, он выезжал за границу по поддельным паспортам, пробираясь в страны, куда не допускались советские журналисты. Однажды он сумел проникнуть в Зоненбургскую тюрьму и побеседовать с немецким коммунистом Максом Гельцем... В другой раз под видом французского журналиста он явился в белогвардейский штаб РОВС в Париже... Стоит ли говорить, с каким риском для жизни были сопряжены все эти эскапады? Зато читатели с восхищением и гордостью следили за приключениями отважного советского журналиста.

В 1921 году Кольцов участвовал в штурме восставшего Кронштадта, шел вместе с курсантами по льду на вооруженную до зубов крепость, чтобы потом написать подробный репортаж в газету. Там он познакомился с маршалом Тухачевским и даже, вспомнив о своем медицинском образовании, перевязывал ему рану. Впоследствии это «неподходящее знакомство» припомнят ему следователи НКВД.

В 1923 году исключительно своими силами Кольцов создал публицистический журнал «Огонек», бессменным главным редактором которого был вплоть до самого ареста.

В 1929 году Кольцов был назначен главным редактором юмористического журнала «Чудак», в котором настолько активно вскрывал недостатки советской действительности, что неоднократно вызывал недовольство партийных чиновников. «Чудак» был закрыт через несколько лет, не выдержав конкуренции с более маститым «Крокодилом», главным редактором которого Кольцов стал в 1934 году.

В 1931 году Кольцов создал литературно-журнальное объединение «Жургаз», под крышей которого собрал множество печатных изданий. Помимо «Огонька» это были журналы «За рулем», «За рубежом», «Советское фото» и еще около тридцати самых разных журналов и газет, многие из которых существуют и по сей день. В типографии «Жургаза» начала издаваться возрожденная Максимом Горьким дореволюционная серия книг «Жизнь замечательных людей» и «Библиотека романов».

Как и большинство советских людей того времени, Кольцов увлекался авиацией и сделал немало для гражданского самолетостроения. В качестве летчика-наблюдателя он участвовал во множестве интересных и опасных экспедиций. В частности, совершил Большой Восточный перелет по маршруту Москва-Анкара-Тегеран-Кабул через неприступные горные вершины. И писал интереснейшие репортажи.

«...Мы вошли в Саланг – единственное ущелье, через которое можно одолеть вершины высочайшего азиатского горного хребта. Эти места не для людей. Эти места на краю света природа оставила для себя самой, чтобы в одиночестве, без суеты, в величественном безмолвии думать свои планетарные думы. И человек, стремительной дерзостью технического гения вознесенный на эти страшные высоты, содрогается, пугливо умолкает...

То, что называется ущельем Саланг, есть на самом деле злоеший хаос отдельных обледенелых пиков, бездонных пропастей, крутых и скользких скатов в неизвестность. Нет и не может быть точно проведенного пути внутри этой жадно оскаленной челюсти горных клыков. Воздушный отряд тянется через Саланг извилистой ломаной тропкой.

...Во что превратился этот бравый отрядик, с таким щеголеватым, четким треугольником вылетевший с московского и ангорского аэродромов! Строй самолетов разбился, они ковыляют то гуськом, почти насакивая один на другой, то врозь, теряя друг друга, переваливаясь через ледяные барьеры, огибая страшные горные шишки. Люди посинели, машины заиндевели. Пальцы на руках и ногах слились в сплошные холодные железки. А горло, горло пьет без усталы никогда не изведанный чудесный прозрачный напиток, этот редчайший, недостижимый ни человеку, ни птице воздух верхних слоев атмосферы, тот воздух, что никогда не коснется пыльной, зажитой земли.

...Мотор вдруг глубоко икает и останавливается... Что это? Катастрофа? Использовать парашют? Выбрасываться... здесь?

Нет, и другие самолеты выключили газ, значит, да, Саланг выпустил нас. Главный хребет Гиндукуша пройден. Теперь мы катимся силой инерции на салазках с горы, вышиной почти в шесть километров... Мы рискуем, размахнувшись, перехватить через край. Мы можем промазать Кабул, проскочить в Индию – отсюда только тридцать минут лета до индийской границы. И англичане опупеют, и их печать будет вопить о наглом вторжении большевиков во владения британской короны...»

А потом, когда друзья и родные ругали его за то, что он так рисковал, Кольцов лишь смущенно улыбался и разводил руками.

– Было, – говорил он. – Но ведь так хочется!

В 1932 году по инициативе Кольцова был создан комитет по строительству самого большого по тем временам самолета, средства на который собирали буквально всей страной. В июне 1934 года АНТ-20, названный в честь знаменитого пролетарского писателя «Максим Горький», совершил успешный испытательный полет во славу советского самолетостроения... К сожалению, уже через год гигант разбился из-за ошибки пилота другого самолета, совершавшего вокруг АНТ-20 фигуры высшего пилотажа и протаранившего его. Оба самолета развалились в воздухе на части. Погибло 47 человек. Кольцов был просто раздавлен этой новостью...

Казалось, не существовало тем, которые были бы Кольцову неинтересны. Он преображался в таксистов, трактористов, сапожников, школьных учителей, изучая профессии изнутри, чтобы потом написать достоверный репортаж.

Михаил Ефимович жаловался брату, что вынужден отключать на ночь телефон, потому что кто угодно мог позвонить ему в четыре часа утра, чтобы изложить очередную «злободневную» тему, и страшно обижался, если журналист отказывался тот час же мчаться на зов. Дни Кольцова были расписаны по минутам, он все время куда-то бежал... Даже удивительно, что он находил время и на личную жизнь, а между тем именно в те годы в Москве он встретил девушку, которую полюбил и на которой решил жениться. И это тоже случилось в театре, хотя, если точнее, на лестнице у входа в театр...

4

Елизавета Николаевна Ратманова, праправнучка знаменитого путешественника и соратника капитана Кука, Джозефа Биллингса, родилась 19 апреля 1901 года в Хабаровске, где ее отец, военный инженер, строил железную дорогу. Семья часто переезжала с места на место, согласно назначениям отца. Из Хабаровска – в Киев. Потом – в Архангельск. В 1919 году Ратмановы уехали в Англию, где, согласно данным из ее автобиографии, Елизавета работала машинисткой в торговом обществе Акрос в Лондоне. В 1922 году Елизавета вернулась в Москву и поступила на работу в Профинтерн, тогда как, по всей видимости, родители ее по-прежнему оставались в Англии. А в свободное от работы время она училась в студии Московского Камерного театра.

Племянница Ратмановой Л. В. Серова, разбиравшая однажды ее бумаги, нашла описание их первой встречи с Кольцовым, произошедшей, когда Елизавета выходила из театральной студии, намереваясь отправиться домой:

«Он спросил:

– Чего бы вам хотелось?

И хотя мне постоянно и особенно после занятий в студии хотелось есть, я сказала:

– Я хочу золотую рыбку. Живую.

Он принес рыбку. И, неся ее домой, я вспоминала детство. Киев 1914 года. Солдат в госпитале у бассейна. И так повелось, что мы встречались после занятий. Он приезжал из редакции, я выходила из театра. Мы ходили по бульварам, я рассказывала о своей жизни. Он был журналистом и умел слушать».

В 1923 году Михаил и Лиза поженились.

Немного об устройстве их совместной жизни можно прочитать в дневниках Корнея Чуковского.

Запись от 28 ноября 1927 года: «...Был у Кольцовых. Добрая Лизавета Николаевна и ее кухарка Матрена Никифоровна приняли во мне большое участие. Накормили. Уложили на диван. Лизавета Николаевна очень некрасивая, дочь англичанки, крепко любит своего Майкла – Мишу Кольцова и устроила ему уютное гнездышко. Крохотная квартирка на Большой Дмитровке, полна изящных вещей. Он – в круглых очках, небольшого роста, ходит медленно, говорит степенно, много курит, но при всем этом производит впечатление ребенка, который притворяется взрослым. В лице у него много молодого, да и молод он очень, ему лет 29, не больше. Между тем выходят четыре тома его сочинений, о нем в академии выходит книга... Человек бывалый, много видевший, но до странности скромный. Странно видеть его в халате, ходящим по кабинету и диктующим свои фельетоны. Пишет он удивительно легко, диктует при других и при этом разговаривает о посторонних вещах. Его кухарка Матрена Никифоровна в большой дружбе с его женой. Она потеряла не так давно взрослую дочь и теперь привязалась к Лизавете Николаевне как к родной».

Л. В. Серова верно отмечает, что Чуковский не совсем прав: мать Елизаветы Ратмановой была англичанкой лишь на четверть. А что касается внешности... Вторая жена Кольцова действительно не считалась красавицей, но была, что называется, «интересной»: черные волосы, большие голубые глаза. По уверению Серовой, ее тетя имела сходство с Франческо д'Эсте кисти Ван дер Вейдена. Причем она сама об этом знала – в 1950-е годы портрет д'Эсте висел на стене в ее комнате.

Замужество совершенно переменило жизнь Елизаветы Николаевны. Она вдруг окунулась в чрезвычайно интересный мир, попала в бушующий круговорот активной общественной жизни. Если раньше ее единственным развлечением была театральная студия да еще походы в консерваторию, то теперь вокруг все время что-то происходило, каждый день слу-

чалось что-то новое, значительное, потрясающее... Дом Кольцова всегда был открыт гостям, и у них частенько собирались представители московской литературной элиты. Елизавета Николаевна познакомилась с Максимом Горьким, много лет дружившим с ее мужем, с Владимиром Маяковским, с Сергеем Есениным, с Александром Фадеевым. Всех имен и не перечислить... Много лет спустя она даже начала писать книгу о своих встречах с известными людьми, которая, к сожалению, так и не была закончена, но некоторые главы ее были опубликованы в «Новом мире».

Елизавета Николаевна старалась быть полезной мужу, она заменила ему секретаря, записывая под диктовку его статьи и книги. Тот даже шутил: «Пишу не я, пишет моя жена». Впрочем, в конце концов Ратманова действительно начала писать сама. Ее статьи появлялись в «Комсомольской правде», в «За рубежом» и даже в «Правде». И конечно, Елизавета Николаевна сопровождала мужа в большинстве зарубежных поездок.

Это была удивительная, волшебно прекрасная жизнь, как в сказке, но, к сожалению, сказки никогда не длятся бесконечно... Сказка Елизаветы Ратмановой длилась довольно долго, почти десять лет, и – тем труднее и обиднее было с ней расставаться. Лиза так и не смогла расстаться с ней до конца, возможно, надеясь, что все еще переменится и муж к ней вернется. Ведь за десять лет они стали по-настоящему родными людьми, разве можно все просто разорвать и забыть?

Но надежды оказались напрасными. Уйдя однажды, Михаил к ней больше не вернулся. Хотя брак и не был официально расторгнут, Лиза все равно уже считалась «бывшей», а новую возлюбленную Кольцова все называли не любовницей, а «гражданской женой».

Насколько сильно переживала Лиза разрыв с мужем, мы не узнаем никогда, но можно сказать с уверенностью, что она действительно любила его... Даже много лет спустя после его смерти, уже после войны, она держала дома аквариум, в котором плавала всегда в одиночестве большая золотая рыбка. Как талисман. Как память об их первой встрече.

5

...История того времени хранит такое множество тайн, что раскрыть их все вряд ли представится возможным когда-нибудь. Может быть – и не стоит этого делать. Просто завершив историю этой любви на печальной лирической ноте. Любовь умерла, ей на смену пришла другая. Вполне житейская ситуация. Однако отношения Михаила Кольцова и Елизаветы Ратмановой продолжались гораздо дольше, чем длилась их любовь, и, может быть, тот факт, что они не оформляли развода до самого 1938 года, до ареста Михаила Ефимовича, указывает на то, что жена «журналиста № 1», сначала сопровождая его в заграничных поездках, а потом неожиданно появляясь то в Мадриде, то в Париже, когда тот путешествовал вместе с Марией Остен, приглядывала за ним по поручению органов безопасности. Очень туманные намеки на это имеются у разных биографов, и в этом нет ничего невероятного, странным было бы как раз обратное. Возможно, Кольцов об этом знал. А если и не знал, то уж точно догадывался. Ведь он и сам выполнял за границей тайные задания правительства и лично самого Сталина. Оставаться от этого в стороне было просто невозможно.

Как все обстояло на самом деле, сказать сложно, но известно, что в начале 1930-х годов Кольцов не всегда отправлялся в заграничные командировки вместе с женой. По крайней мере, именно в одной из таких поездок он и познакомился с немецкой журналисткой Марией Грессгенер, взявшей себе псевдоним Остен – «Восточная» с намеком на симпатию к СССР. Это произошло летом 1932 года.

В то лето Михаил Кольцов поехал в Германию, чтобы собрать материал о борьбе немецких коммунистов с набирающим силу нацизмом. С руководителями КПГ в Берлине он был давно и хорошо знаком и пользовался у них большим авторитетом. На сей раз Кольцов планировал поездку по нескольким городам, и ему пообещали, что сопровождать его будет один из лучших журналистов. Это и оказалась Мария Остен.

Кольцов вспоминал позже, как главный редактор коммунистической газеты «Роте Фане» говорил ему:

– Мы даем тебе в помощники боевую и талантливую журналистку Марию Грессгенер. Наци ненавидят Марию лютой ненавистью за ее памфлеты. Они постоянно угрожают расправой, но ей это придает еще больше азарта и смелости.

Мария родилась 20 марта 1908 года в Восточной Пруссии, в деревне Нойгольц, в семье служащего. В 1922 она поступила в лицей в Берлине, но вскоре бросила его. В 1936 году она вышла замуж за издателя леворадикальной литературы Виланда Херцфельде и в 1927 вступила в Коммунистическую партию Германии. С мужем Мария вскоре развелась и уже в 1929 году вышла замуж снова за советского режиссера Евгения Червякова, вместе с которым тоже жила не долго. По крайней мере, к моменту встречи с Михаилом Кольцовым она была уже свободна.

Кольцов и Мария встретились у здания КПГ. Кольцов беседовал со старыми друзьями – певцом Эрнстом Бушем и писателем Людвигом Ренном, когда к ним вдруг подошла девушка. Поначалу она не узнала знаменитого советского журналиста и очень расстроилась из-за этого...

Об их первой встрече и о том, как развивались отношения Кольцова и Остен, подробно рассказывает Борис Медовой в книге «Михаил и Мария: повесть о короткой жизни, счастливой любви и трагической гибели...», вышедшей в свет в 1991 году. Известно, что Медовой много общался с людьми, знавшими и Михаила и Марию, так что скорее всего изложенные в ней события вполне верны, хотя и поэтически приукрашены.

«– Извините, ради бога, – смутилась Мария, – а ведь партия поручила мне сопровождать вас в поездке. И как же теперь быть? Вы дадите отвод?»

Кольцов развел руками.

Они оба замолчали. Словно в каком-то оцепенении неотрывно всматривались друг в друга. Лица их стали серьезными. Кольцов медленно снял очки, и на Марию вдруг глянули глаза, в которых странным образом сочетались мудрость и незащитность, озорство и печаль.

Он протер очки и так же медленно надел их. Взглянул прямо в глаза Марии. Она, словно замороженная, легонько положила ладонь на его руку. Он ласково и бережно взял эту ладонь и поцеловал.

И неожиданно для друзей, а может быть, и для самих себя Кольцов и Мария взялись за руки, словно дети, молча спустились со ступенек и неспешно пошли по аллее куда-то вдаль.

Эрнст Буш и Людвиг Ренн оцепенело смотрели им вслед. Наконец Буш рассмеялся и сказал:

– Вот это да! Как тебе нравится?

Ренн заметил:

– Ты знаешь, Эрн, мне показалось, будто между ними вспыхнул электрический заряд, вроде вольтовой дуги. И соединил их.

Буш помотал головой. Он был художественной натурой, и у него возникли другие ассоциации:

– Ты видел в Париже полотна Марка Шагала? Помнишь, на одном из них изображен полет влюбленной пары? Вот, по-моему, Михаил и Мария пролетают сейчас, взявшись за руки, над Берлином.

...Мария. Постоянно светящаяся радостью, полная обаяния и отваги, его спутница умела мгновенно входить в контакт с любым, даже самым угрюмым человеком. Она превосходно знала свойства характера горняков, специфику их бытового уклада и традиций. Она владела молодежным сленгом, хорошо разбиралась в тактике повседневной борьбы комсомольцев. Она чувствовала себя свободно в любой ситуации».

Михаил и Мария объехали вместе несколько городов, и симпатия между ними все больше крепла. Но никто из них не позволял себе ни единого нежного слова, ни единого жеста до того самого дня, когда настала пора возвращаться в Берлин.

И вот тогда Мария решилась:

– У меня есть предложение, Мих-Кольц. Секретное. Если ты сочтешь его неприемлемым для себя, то очень прошу навсегда забыть, что оно поступало. Договорились?... Есть у меня подруга или, вернее сказать, однокурсница по университету. Судьба у нее сложилась необычно. Она внезапно стала богатой владелицей хутора.

– Классовый враг?

– Почти. Но она – хороший классовый враг, очень добрый, приветливый и симпатичный. И вот я подумала: почему бы не сделать нам передышку и не побывать у нее на хуторе? Там удивительная тишина, чудесный ландшафт, чистый воздух, вкусное молоко... Или у тебя нет не времени, ни желания?

Он медленно ответил:

– Мне хочется вдохнуть чистого воздуха, побыть в тишине и выпить стакан вкусного молока...

– Значит, билеты на Берлин не заказывать?! – ликуя, спросила она.

...Рената, подруга Марии, приняла гостей как родных. Не расспрашивала Марию о ее спутнике, не проявляла интереса к их отношениям.

Мария и Кольцов бродили по окрестностям. Стояла чудесная погода. Запахи свежескошенной травы опьяняли. Кольцов любовался Марией, радовался ее смеху, такому же звонкому и ясному, какой была она сама.

Михаил Ефимович сказал:

– А знаешь, мне сказали про тебя, что ты – человек митингов и баррикад и вообще романтик революции.

– Господи! – воскликнула Мария. – Неужели я создаю такое впечатление? Это ложное представление, Мих-Кольц, уверяю тебя... Нет ничего дальше от истины... Хочешь, сделаю тебе признание? Я очень верю тебе. Как никому в мире... Так вот, может, это и стыдно, но скажу правду о себе. Моя мечта, самая огромная, самая сильная, буквально всепоглощающая, с давних пор, а сейчас особенно, – это нарожать много-много детей. Иметь одного ребенка – радость, а семерых – великое счастье. Истинное счастье, как я его понимаю и чувствую. Может быть, я в душе обыкновенная бургерша, не знаю. Но я мечтаю о детях всегда, постоянно, Вижу чужого ребенка – волнуюсь, завидую, переживаю и даже плачу. А уж иметь своих детей... прижимать их к себе, ласкать... Это – чудо!

– Как странно, – после долгой паузы проговорил Кольцов, – ведь я тоже всю жизнь мечтал о детях... А их все нет и нет у меня... Может, дьявол мстит за что-то?

...Они долго молчали. Потом Мария спросила:

– О чем ты думаешь?

– Ты назовешь меня фантазером, если скажу, о чем думаю.

– Пусть, фантазер. Скажи.

– Я понял, что увезу тебя в Советский Союз. Будешь жить в Москве.

– Я? В Москве? Разве такое возможно?

– Это необходимо. Мы должны быть рядом.

Через два дня в Берлине Кольцов как руководитель объединения „Жургаз” оформил официальное приглашение Марии Грессгенер на работу в редакцию немецкой газеты „Дойче Централь-Цайтунг” и подписал с нею контракт. На этом основании Марии была выдана виза и другие необходимые документы».

Мария была влюблена в Советский Союз, для нее он был сказочной страной победы добра и света. Она уже бывала там – впервые она посетила СССР в 1929 году со своим мужем режиссером Евгением Червяковым. Теперь ей предстояло там жить. И она действительно воспринимала это как чудо.

Кольцов добился того, чтобы Марии была предоставлена квартира из фонда «Жургаза», и сам вскоре переехал к ней. Как раз в это время Сталин распорядился выделить Михаилу Ефимовичу квартиру в только что отстроенном правительственном доме на Берсеневской набережной, но туда он, вероятно, въехал только номинально, и на самом деле там в одиночестве в основном жила Лиза. Борис Ефимов рассказывал, что Михаил часто жаловался ему в то время, как ему трудно разрываться между женой и возлюбленной, но увлечение Марией было слишком сильным, чтобы муки совести и сожаление могли что-либо изменить.

Михаил и Мария жили вместе, повсюду они ходили вдвоем, в своем доме они принимали гостей, и очень скоро их стали считать супружеской парой. Мария писала для «Огонька» и «Правды» и ездила вместе с Михаилом в командировки. Они действительно были отличной командой, у обоих постоянно возникало множество идей и задумок для новых интересных проектов.

6

Одна из таких идей, авантюрная и даже безумная на первый взгляд, посетила Марию однажды летом 1933 года, когда они вместе с Михаилом путешествовали по Саарской области, находившейся на границе между Францией и Германией, но не присоединенной ни к одной из этих стран и пребывавшей после Первой мировой войны под управлением Лиги Наций. Кольцов готовил материал о коммунистах Саарской области и их борьбе с фашизмом в связи с намечающимся референдумом о присоединении области к Германии. И случилось так, что вместе с Марией они зашли в гости к коммунисту-железнодорожнику Йогану Лосте, где познакомились с одним из его сыновей, обаятельным разговорчивым Губертом. Мальчик охотно рассказывал журналистам о своей жизни и учебе, о пионерском отряде, в который недавно вступил, о своем личном маленьком вкладе в дело борьбы с фашизмом и совершенно очаровал Марию, ей даже показалось, что он похож на нее саму в детстве... Может, в какой-то миг она даже пожалела, что такой замечательный ребенок не может быть ее собственным сыном, и именно это натолкнуло ее на мысль – забрать его с собой...

Вечером того же дня Мария изложила Михаилу свой замысел: она рассказала, что хочет написать книгу о мальчике, который из бедной и угнетенной капиталистической страны попадает в рай земной – в Советский Союз. Книга эта будет написана как бы от лица самого мальчика, который будет путешествовать по СССР и записывать свои впечатления. Мария даже придумала название будущей книги. По аналогии со сказкой Льюиса Кэрролла «Алиса в Стране чудес» ее книга будет называться «Губерт в стране чудес». Только это будет не сказка... Не совсем сказка. Это будет сказка, воплотившаяся наяву.

Впрочем, возможно, идея эта и не была спонтанной и у Марии еще до поездки был заранее заключен договор с «Жургазом» на такую книгу. Так или иначе, но замысел книги и кандидатура мальчика Кольцову очень понравились, и он тут же поговорил с родителями Губерта о том, чтобы забрать его с собой в СССР сроком примерно на год. Предложение показалось супругам Лосте вполне привлекательным. Во-первых, семья действительно была довольно бедна – помимо Губерта в ней воспитывалось еще четыре сына и дочь. Во-вторых, неясный статус Саарской области и возможное присоединение ее к фашистской Германии сулили в недалеком будущем большие проблемы семье коммунистов и им предстояло бежать. И в-третьих, возможность поездки в овеянную романтическим ореолом страну свободного труда и счастливой жизни казалась в самом деле пропуском в рай... К тому же сопровождать Губерта в этом раю должен был один из самых известных и влиятельных в СССР людей. Отказаться от такого было просто невозможно!

Таким образом, договор был заключен. Неизвестно, был ли он как-то скреплен документально, но так или иначе – Губерт Лосте отправился в СССР.

В Москве Губерт поселился в квартире Марии Остен и поступил в немецкую школу имени Карла Либкнехта. Его жизнь в Советском Союзе действительно была очень насыщенной, Михаил и Мария составили для него чрезвычайно интересную программу. Он встречался с самыми знаменитыми командирами Красной Армии – Буденным и Тухачевским. Он посетил Мавзолей Ленина и парад военной техники на Красной площади. Он летал на самолете-гиганте «Максим Горький». Летом он отдыхал в Артеке. Он постоянно был в центре внимания. Его приглашали пионерские отряды, его задаривали подарками и цветами, на него смотрели как на значительное лицо и обращались соответственно. Мальчик из Германии быстро стал очень популярен.

Мария тем временем писала книгу, которая была напечатана в 1935 году и, как и предполагалось, тоже стала значительным событием. Предисловие к ней написал сам глава Коминтерна Георгий Димитров. И именно в этой книге по личной просьбе Марии впервые

была опубликована знаменитая «домашняя» фотография Сталина с дочерью Светланой на руках, до этого тиражировались только официальные портреты вождя.

7

В 1936 году началась гражданская война в Испании. Поддерживаемый фашистской Италией и Германией генерал Франко вознамерился сокрушить Испанскую республику. Разумеется, Кольцов не мог оставить такое событие без внимания и тотчас отправился в Испанию в качестве корреспондента «Правды» и политического советника от Коминтерна. С ним вместе поехала и Мария Остен, в связи с чем Губерта Лосте весной 1937 года временно определили в детский дом.

Кольцов не был бы самим собой, если бы не развил в Испании бурную деятельность. Он был везде и участвовал во всем. Он писал репортажи для «Правды». Он организовывал международный конгресс писателей в защиту культуры от фашизма, который благополучно прошел в Мадриде в самый разгар войны. Он лично участвовал в боях за Толедо и под Мадридом, шел в бой вместе с солдатами.

Там он написал самое знаменитое свое произведение «Испанский дневник», где рассказал о своей официальной деятельности от первого лица и о неофициальной от лица некоего мексиканского коммуниста Мигеля Мартинеса. Разумеется, в книгу вошли далеко не все аспекты деятельности Кольцова в Испании, было бы наивно полагать, что поручения советского правительства ограничились только организацией конгресса и репортажами с фронта. Но в чем именно заключалась по-настоящему тайная деятельность Кольцова, доподлинно неизвестно. Сергей Данилов в книге «Гражданская война в Испании» описывает такой факт: «За парадным фасадом Мадридской битвы – „битвы за всех угнетенных, за человеческие права“ скрывалась расправа почти с 8000 политзаключенных из столичных тюрем. 7 ноября их вывезли из Мадрида и без суда тайно расстреляли в уединенной местности юго-восточнее города. Правительство опасалось, что заключенные поднимут восстание и захватят город. Очень немногим из них удалось бежать. Руководили операцией 20-летние лидеры „социалистической молодежи“ Сантьяго Каррильо и Хосе Касорла. Среди ее вдохновителей были также советские граждане – Кольцов, Берзин и уполномоченный НКВД в Испании Орлов-Фельдбин. Расправу позже списали на „бесконтрольных“ анархистов. Характерной чертой явилось нежелание самих испанцев без суда перебить 8000 безоружных и не приговоренных к смерти сограждан – понадобилась инициатива иностранцев».

Есть предположение, что арест и последовавший за тем расстрел Кольцова произошел именно по этой причине: тот слишком много знал о несправедных делах советского правительства в Испании. Данилов пишет: «Показательна и дальнейшая судьба вдохновителей и руководителей расправы. Кольцов и Берзин вскоре были казнены на родине. Орлов-Фельдбин через два года бежал в США, где под чужим именем прожил почти тридцать лет, опасаясь за свою жизнь. Касорлу в 1939 году расстреляли соотечественники. Карьеру сделал только Каррильо, ему суждено было через четверть века возглавить испанскую компартию». Предположительно Кольцов участвовал так же в аресте и переправке в Москву одного из руководителей антисталинской коммунистической партии ПОУМ, где тот впоследствии был расстрелян.

О деятельности Кольцова упоминает и Эрнест Хемингуэй в романе «По ком звонит колокол», советский журналист фигурирует в нем под фамилией Карков:

«...Карков, приехавший сюда от „Правды“ и непосредственно сносившийся со Сталиным, был в то время одной из самых значительных фигур в Испании».

Участвовала в войне в Испании и Елизавета Ратманова. О ее работе известно совсем мало, только то, что она была командиром танковой бригады. И она тоже появилась на страницах романа Хемингуэя в очень интересной зарисовке: «Из четырех женщин три были в обыкновенных простых платьях, а на четвертой, черной и невероятно худой, было что-то

вроде милицейской формы строгого покроя, только с юбкой, и сапоги. Войдя в комнату, Карков подошел к женщине в форме, поклонился ей и пожал руку. Это была его жена, и он сказал ей что-то по-русски так, что никто не слышал, и на один миг дерзкое выражение, с которым он вошел в комнату, исчезло из его глаз. Но оно сейчас же опять вернулось, как только он заметил красновато-рыжие волосы и томно-чувственное лицо хорошо сложенной девушки, направился к ней быстрым четким шагом и поклонился. Жена не смотрела ему вслед. Она повернулась к высокому красивому офицеру-испанцу и заговорила с ним по-русски...»

Этот короткий абзац проливает свет на взаимоотношения супругов, передавая всю неловкость в ситуации их встреч: смущение Кольцова в присутствии Лизы, в то время как он путешествует вместе с любовницей, и нарочитое равнодушие самой Лизы, которая старается не смотреть ему вслед.

Такая ситуация, кстати, повторялась не однажды.

В книге Бориса Медового подробно описан эпизод встречи всех участников любовного треугольника во время одной из командировок Кольцова – в ресторанчике парижской гостиницы. Это было еще до поездки в Испанию.

«... – Что с тобой, Маша? – испуганно спросил он.

Она не ответила. К столу подошла высокая прямая женщина с прозрачно-голубыми глазами. Ее удлиненное лицо было бесстрастным. Кольцов со вздохом спросил:

– Лиза?

– Она самая, – сказала жена.

– Добрый день, Елизавета Николаевна, – с усилием произнесла Мария. – С приездом!

– Спасибо, милочка, – кивнула та.

– Присаживайся, Лиза, – бросил Кольцов. – Поешь что-нибудь? Выпьешь кофе?

Она опустила на стул.

– Ты выбрал на этот раз какой-то захудалый отель, – сказала она Кольцову. – Он суматошный, обслуга – шизоидная.

– Отель как отель, – пожал плечами Михаил Ефимович. – Недорогой, уютный, обслуживание на высоком уровне... Что еще надо? А ты надолго ли в Париж?

– Надолго ли? Откуда я знаю? Сколько ты пробудешь, столько и я.

Елизавета Николаевна помолчала, потом, нагнувшись к мужу, тихо спросила:

– Не знаешь, Михаил, имеется ли тут у них пиво?

– Сейчас узнаю, – устало произнес он.

– Будь любезен.

Мария не выдержала напряжения и поднялась:

– Прошу извинить, у меня заказан телефон.

Она вернулась в номер, легла на постель вниз лицом и дала волю слезам.

Ничто так не угнетало и не обескураживало ее в московской жизни, как эти непонятные отношения Михаила со своей странной женой. Мария никогда не спрашивала его об этом, полагая, что он сам когда-нибудь раскроет секреты необычного брака.

Елизавета Николаевна конечно же была хорошо осведомлена о характере отношений мужа и Марии. Тем не менее она никогда ни при каких обстоятельствах не пыталась высказаться на этот счет. При неизбежных встречах она смотрела сквозь Марию своими прозрачными глазами. И на лице ее нельзя было прочесть ничего. На нем не проявлялось даже гримасы неудовольствия. Странная женщина.

Появление ее в Париже тоже носило необъяснимый, странный характер».

Борис Медовой с большой симпатией относится к Марии Остен и явно недолгобливает Елизавету Ратманову, хотя, по совести, симпатия и сочувствие должны бы принадлежать брошенной – и даже не до конца брошенной! – жене, а не любовнице. Возможно, писатель намекает на то, что отношения Кольцова с женой действительно скрывали что-то такое, что

не могло стать предметом гласности... Впрочем, это только предположение. Многие мужчины предпочитают не разводиться с женами и жить на две семьи. А уж в те времена, в среде творческой интеллигенции, такое было и вовсе не редкость. И не только в Советском Союзе. А Лиза просто не желала сидеть дома одна, и ей доставляло удовольствие действовать на нервы неверному супругу.

Лиза развелась с Кольцовым в 1938 году, после его ареста, чтобы не иметь ничего общего с «врагом народа». Жены репрессированных почти всегда отправлялись за ними следом, в лучшем случае – в лагерь, в худшем – к стенке. Рисковать жизнью ради неверного супруга у Лизы не было абсолютно никаких причин.

Дальнейшая ее жизнь текла ровно и без особых потрясений.

Л. В. Серова вспоминает: «Во время войны Ратманова закончила курсы медсестер при Филатовской больнице и работала в госпитале операционной сестрой, одновременно продолжала писать очерки, которые появлялись в газетах и радиопередачах... В послевоенные годы Елизавета Николаевна много болела, лежала в больницах, но когда я ее видала, она всегда была бодра, элегантно одета, покрашена в свой черный цвет, который не менялся до конца жизни. А в ушах были чудесные большие аквамарины под цвет глаз... В последние годы жизни Елизавета Николаевна был секретарем испанской группы при комитете ветеранов войны... Испанские добровольцы проводили ее в последний путь в 1964 году».

8

Собирались ли когда-нибудь Михаил Кольцов и Мария Остен узаконить свои отношения, неизвестно, скорее всего нет, однако в Испании они усыновили ребенка. Однажды в развалинах полуразрушенного дома Мария нашла двухлетнего мальчика, оставшегося сиротой: его родители погибли при бомбежке. Уцелевшие соседи малыша сообщили Марии, что его имя Хосе. Та молча подняла его на руки и принесла к машине, где ждал ее Михаил.

– Мальчик больше не сирота. Это наш сын. Ясно? – сурово сказала она.

– Ясно, – кивнул Кольцов и тронул машину.

Так Мария неожиданно обзавелась долгожданным ребенком.

«Чудны дела твои, Господи, – писал об этом событии Хемингуэй. – Мать – немка, отец – русский, ребенок – испанец». В самом деле, чудесно и удивительно. Только в то время и только с этими людьми могло произойти что-то подобное...

С первой же минуты Мария фанатично обожала ребенка, и все, о чем могла она думать теперь, это оформить усыновление. Вскоре она улетела в Москву и там подписала все бумаги. Мальчик получил имя Иосиф Грессгенер. Мария ласково звала его Юзиком. Пробыв около полугода в Москве и уверившись, что малыш теперь ее и никто его не отнимет, она оставила его на попечение друзей и в апреле 1937 года вернулась в Испанию.

Между тем несмотря на деятельную помощь советских «добровольцев», испанские республиканцы проигрывали войну генералу Франко. К весне 1937 года поражение стало казаться Сталину неизбежным. «Слабы оказались испанские товарищи, – вздыхал он печально, – не оправдали надежд...» Не оправдали возложенных на них надежд и политические советники, и весь 1937 год прошел под знаком массового отзыва советских граждан из Испании. В апреле вернулся в Москву и Михаил Кольцов. На родине его встретили как героя, популярность его возросла до невиданных высот: его приглашали на фабрики и заводы, в школы и клубы, чтобы послушать о героической борьбе испанского народа с фашизмом. Вызывал его к себе и Сталин... И впервые в беседе с вождем Кольцов почувствовал неприятный холодок в душе. Позже он рассказал об этом брату.

«Наконец беседа подошла к концу, – пишет Борис Ефимов, – и тут, рассказывал мне Миша, Сталин начал чудить. Он встал из-за стола, прижал руку к сердцу и поклонился.

– Как вас надо величать по-испански? Мигуэль, что ли?

– Мигель, товарищ Сталин, – ответил я.

– Ну так вот, дон Мигель. Мы, благородные испанцы, сердечно благодарим вас за ваш интересный доклад. Всего хорошего, дон Мигель! До свидания.

– Служу Советскому Союзу, товарищ Сталин!

Я направился к двери, но тут он снова меня окликнул и как-то странно спросил:

– У вас есть револьвер, товарищ Кольцов?

– Есть, товарищ Сталин, – удивленно ответил я.

– Но вы не собираетесь из него застрелиться?

– Конечно нет, – еще более удивляясь, ответил я. – И в мыслях не имею.

– Ну, вот и отлично, – сказал он. – Отлично! Еще раз спасибо, товарищ Кольцов. До свидания, дон Мигель.

На следующий день, – вспоминает Борис Ефимов, – Миша поделился со мной неожиданным наблюдением.

– Знаешь, что я совершенно отчетливо прочел в глазах „хозяина“, когда он провожал меня взглядом? Я прочел в них: „Слишком прыток“».

Никакого неприятного продолжения у этого разговора не было. Вскоре Кольцов снова уехал в Испанию. Только теперь уже... без Марии Остен. В Москве у его возлюбленной вне-

запно вспыхнул бурный роман с певцом Эрнстом Бушем. И в Испанию она поехала вместе с ним. Кольцов очень переживал эту измену и пытался Марию вернуть, что, ему, по всей вероятности, вскоре удалось. До самого конца испанской командировки Кольцова они снова были вместе. И это оказались последние счастливые месяцы в их жизни...

В 1938 году Михаил Кольцов был снова отозван из Испании в Москву.

И на сей раз он возвращался на родину с тяжелым сердцем и плохими предчувствиями. Кольцов не мог не знать о череде прошедших в Советском Союзе арестов. Среди тех, кто был объявлен «врагом народа», оказались и его хорошие знакомые, его товарищи по войне в Испании, и, памятуя о последнем странном разговоре со Сталиным, Михаил Ефимович не был уверен и в своей безопасности.

Опасаясь за Марию, Кольцов отправил ее в Париж и велел ни при каких обстоятельствах не возвращаться в Москву. Мария плакала, она скучала по Юзику, и на прощание Кольцов обещал сделать все, чтобы переправить ребенка к ней в Париж.

В Москве Кольцова встретили еще лучше, чем в его первое возвращение с фронта. Сталин обращался с ним особенно по-дружески и поручал все новые ответственные задания. Кольцов не ждал ареста, он верил в то, что еще может быть нужен и полезен вождю, ведь он всегда был абсолютно и без сомнений ему предан. И все же он не чувствовал себя спокойно.

Будучи в командировке в Чехословакии, Кольцов позвонил Марии в Париж, хотя уже знал, что этого делать не стоит. Мария плакала, а он твердил ей:

– Маша, я приеду к тебе... Маша, ты слышишь? Я приеду в Париж! Непременно, обязательно! Маша, родная, я не могу без тебя! Перестань плакать!

Об этом телефонном разговоре сразу же доложили в Москву, и Кольцову пришла резолюция срочно возвращаться домой. Выпускать его в Париж никто уже не собирался.

Пришлось снова звонить Марии и говорить ей, что приехать он не сможет.

– Умоляю, Миша, пришли мне с кем-нибудь Юзика, – просила та его сквозь слезы, – иначе я умру здесь без тебя и без него...

Кольцов подтвердил обещание сделать для этого все возможное. И действительно, ему удалось переправить мальчика в Париж с кем-то из своих друзей.

9

За два года до ареста, будучи в Испании, Михаил Кольцов вместе со своим другом кинооператором Романом Карменом посетил знаменитую толедскую прорицательницу Исабель Дельгадо, вероятно, просто из любопытства решив расспросить ее о своей судьбе. Говорили, что предсказания Исабель всегда сбываются, и, разумеется, в это не могли поверить два правоверных коммуниста, убежденных в том, что миром правят исключительно материальные силы. Возможно, если бы они хоть немного верили в то, что прорицательница действительно увидит их будущее, поостереглись бы спрашивать, ведь никому не стоит знать заранее, какой его ждет конец.

Исабель взглянула на Романа Кармена и сказала ему:

– Вот ты, красавчик, останешься довольным своей жизнью, долгой и удачной. А все беды твои будут от трех твоих жен. С ними тебе сильно не повезет...

Потом она посмотрела на Михаила Кольцова и некоторое время молчала.

– А мою судьбу вы видите? – спросил журналист.

– Вижу, конечно... Но скажу тебе лишь одно: получишь полной мерой все, что пожелаешь. Но счастлив не будешь.

А когда они уходили, Исабель вдруг подозвала Кармена и что-то прошептала ему на ухо. Как ни допытывался Кольцов, друг так и не ответил ему, что же именно сказала ему прорицательница. И только много лет спустя после гибели Кольцова Кармен выдал эту тайну их общим знакомым.

– Запомни, – сказала ему Исабель, – ты надолго переживешь своего друга. Над ним – черное крыло. Он будет предан смерти в храме Божьем.

Предсказание во многом сбылось...

После возвращения из Испании в 1938 году Кольцов был избран депутатом Верховного Совета РСФСР и членом-корреспондентом Академии наук СССР. Огромным тиражом вышла его книга «Испанский дневник», и его популярность взлетела до невиданных высот. Сталин лично поручил ему сделать доклад о недавно вышедшем в печати «Кратком курсе Коммунистической партии», с чем Кольцов справился великолепно. Был ли он счастлив в то время? Вряд ли, потому что не мог не предчувствовать надвигающуюся беду. В конце 1938 года все уже знали, что внезапное благоволение Сталина часто предшествует аресту.

В начале 1937 года, когда только начались массовые аресты, в разговорах с друзьями Кольцов удивлялся, как это может быть, что преданные и абсолютно верные социалистической родине люди, многих из которых он знал лично и в которых никак не мог усомниться, внезапно оказываются «врагами народа» и подписывают совершенно чудовищные признания, соглашаясь с тем, что они вредители и шпионы. Очень скоро ему представилась личная возможность узнать, как и почему это бывает...

Его арестовали в ночь с 12 на 13 декабря в редакции «Правды».

Поводом послужил донос генерального секретаря интербригад Андрэ Марти, с которым у Кольцова был конфликт в Испании и который обвинил его в работе на германскую разведку. Одновременно с ним он обвинил в том же самом и Марию Остен. Но разумеется, это был только повод. У Сталина хватало компромата на всех приближенных, и только он решал, когда и какому делу дать ход и делать ли это вообще.

Следственное дело по обвинению Кольцова долгое время было засекречено, но в начале 1990-х годов к нему был открыт доступ, который получили и историки, и родственники. Были живы еще и кое-кто из сотрудников НКВД, лично общавшихся с Кольцовым на Лубянке и тоже приоткрывших завесу мрака над этой ужасной историей. Так, например, Борис Медовой в своей книге приводит личное свидетельство человека, осуществлявшего

пытки. В служебной ведомости он числился парикмахером. И сотрудники Лубянки так и называли его – Парикмахер.

Борис Медовой пишет: «...В тот вечер его привезли во внутреннюю тюрьму, велели раздеться донага, произвели какой-то изуверский обыск, забрали очки. В ответ на его слова, что он не может без очков, служитель лениво заметил, что очки выдадут – для подписания протокола допроса. Ему швырнули какую-то странную мягкую одежду и велели в нее облачиться. Заношенные красноармейские штаны были очень широки и беспрестанно сползали. Надо было их все время поддерживать. Такая же засаленная гимнастерка. Калоши были громадного размера с бурыми пятнами на вытертой подкладке. Он с омерзением сунул в них босые ноги. На просьбу отдать хотя бы носки один из охранников равнодушно prorонил:

– Перестань трепыхаться, интеллигенция. Тебе теперь твои вещички без надобности. Отсюда не выходят.

Два охранника повели его по коридору. Калоши спадали. Штаны сползали. И когда подошли к лифту, он пожаловался на это.

– Что-что? – переспросил охранник. – Тебе у нас не нравится?

Охранники переглянулись, один из них взял его за правое ухо, другой – за левое. Они ткнули его лицом в железную стенку, вроде бы легонько, но так, что из разбитого носа и губ потекла кровь.

...Так начался этот нескончаемый кошмар. Допросы, пытки, избивание, допросы, истязания, допросы».

Следствие над Кольцовым длилось удивительно долго – целый год. Обычно хватало пары месяцев. С ним работали медленно, вдумчиво и аккуратно. Допросы перемежались долгими – иногда по целому месяцу – отсидками в одиночной камере, без общения, без возможности читать или писать.

Кольцов сдался довольно быстро.

Уже через месяц заключения он начал давать показания, признав не только собственную вину в абсурднейших преступлениях, но и оговорив огромное множество друзей и знакомых с какой-то бесшабашной лихостью. В какой-то момент даже следователь удивился столь обширному потоку обвинений и предупредил журналиста, что он должен говорить правду и только правду.

В следственных протоколах нет ничего о том, какие именно пытки и методы устрашения были применены к Кольцову во время допросов, но вот какой эпизод приводит Борис Медовой, ссылаясь на показания Парикмахера:

«Кольцова привели в пыточную камеру, оборудованную техникой, предназначенной для кромсания живого человеческого тела. Высокий губастый парень с рыжими волосами и белокожим лицом приказал Кольцову скинуть всю одежду и лечь на спину между двумя вмонтированными в пол стойками. словно медсестра, готовящая пациента к снятию кардиограммы, парень неторопливо закрепил каждую его ногу специальными скобами. Затем тоже проделал с руками и затянул широкий ремень на голом животе. Кольцов приподнял голову, и рыжий заметил:

– Если хочешь, можешь смотреть, я не возражаю.

– А что ты собираешься со мной делать?

– А я объясню, – миролюбиво и даже с оттенком дружелюбия сказал парень. – Вот, глянь, землячок, какие башмачки я надеваю. Видишь?

Кольцов таких страшных ботинок никогда не видел. Сплошная подошва без каблуков имела высоту сантиметров десять. Парень, прежде чем надеть, показал башмак со всех сторон. Металлические пластины покрывали подошвы до середины.

– Стало быть так, – произнес парень с учительской интонацией, – ничего хитрого. Вся операция длится две минуты. Раздавить детородный орган – это пустяк по сравнению с дру-

гими операциями. Я наступаю на него в этих сапогах, раздается негромкий треск... И готово. Ты уж не обессудь, земляк. Такая у меня работенка. Приказано – выполняю. Воздуху набери побольше. Будет больно».

Якобы в этот момент Кольцов и согласился подписать все протоколы допроса.

О том, каков был его план, выяснилось на суде, который состоялся 1 февраля 1940 года. Вероятно, понимая, что пыток ему не выдержать, Михаил Ефимович решил пойти на хитрость: признать все обвинения, оговорить друзей и знакомых с тем, чтобы позже перед военным трибуналом отказаться от всех показаний и заявить, что их из него выбивали пытками. В протоколе судебного заседания значится: «Подсудимый ответил, что виновным себя не признает ни в одном из пунктов предъявленных ему обвинений. Все предъявленные обвинения им самим вымышлены в течение 5-месячных избиений и издевательств и изложены собственноручно... Все показания, касающиеся вербовки в германскую, французскую и американскую разведки, также вымышлены и даны под давлением следователя».

Судьи выслушали его речь с совершенно флегматичными лицами, после чего председатель сказал просто: «Не клеветайте на органы».

План Кольцова провалился. Его слова не имели никакого значения.

Приговор уже был подписан и обжалованию не подлежал.

Михаила Ефимовича расстреляли на следующий день, 2 февраля 1940 года. Вряд ли его повезли для этого в заброшенную церковь, скорее всего, все произошло в одном из подвалов Лубянки. Но во всем остальном предсказание гадалки сбылось в точности.

10

Михаил Кольцов оговорил многих, на него самого наветов тоже хватало. Но были двое, безусловно любящих и самопожертвенных людей, которые не отказались от него и с риском для жизни пытались сделать все возможное и невозможное для того, чтобы облегчить его участь. Одним из этих людей был брат Кольцова, художник Борис Ефимов, который с момента его ареста ходил по инстанциям, пытаясь выяснить его судьбу, и носил передачи и деньги в тюрьму. Носил до того самого момента, пока в феврале 1940 года его не отправили восвояси, заявив, что дело Кольцова закончено и перенесено в Военную коллегия Верховного суда. В панике Борис Ефимов написал письмо председателю коллегии В. В. Ульриху с просьбой принять его. (Это был тот самый человек, который несколькими днями ранее говорил Кольцову: «Не клеветайте на органы».) А потом решился на совсем уже безумный шаг – написал телеграмму самому Сталину. Удивительно, но даже после этого Ефимова не арестовали, хотя он и ждал этого каждую ночь, слушая тихий шелест шин проезжавших мимо окон машин. Обошлось... Он прожил долгую жизнь, очень долгую – сто восемь лет. И за себя и за своего брата.

Вторым самопожертвенным человеком была Мария Остен. Будучи в Париже, она узнала, что Михаил арестован, причем одним из пунктов его обвинения была порочащая связь с ней – якобы немецкой шпионкой. В ужасе от всего происходящего Мария срочно решила ехать в Москву, где собиралась доказать следствию, что никакой шпионкой она не является, и попытаться вытащить Михаила из тюрьмы.

Друзья всеми силами пытались отговорить ее, понимая, что она отправляется на верную смерть, но ничего не смогли поделать. Мария приняла решение, и ее было не остановить.

– Пойми, Мария, дорогая, – убеждал ее Андре Мальро, – ты забываешь, куда ты едешь. Вспомни, что ты сама там видела и что говорит Фейхтвангер. Михаила ты не спасешь и сама погибнешь. Тебя арестуют прямо на вокзале.

– Нет-нет, Андре, – отвечала Мария. – Ты ошибаешься, преувеличиваешь опасность и недооцениваешь шансы на успех. А я считаю, что если есть хотя бы один-единственный шанс, то я не имею права его не использовать. Я бы никогда не простила себе такого предательства. К тому же я уверена – шансов гораздо больше. Может быть, даже половина на половину.

Взяв с собой маленького Юзика, Мария приехала в Москву.

На вокзале никто ее не арестовал, и она поехала в принадлежавшую ей квартиру в кооперативном доме Жургаза на Самотеке, где в то время проживал Губерт Лосте.

Губерт так и не вернулся в Германию, за прошедшие годы он стал настоящим советским человеком. Борис Ефимов утверждает, что тот даже успел жениться на какой-то крайне неприятной девушке, хотя в ту пору Губерту было всего 16 лет, да к тому же он не являлся гражданином РСФСР. Так что, видимо, брак был гражданский.

Так или иначе, юноша не пустил Марию на порог.

Борис Ефимов вспоминает:

«Дверь ей открыл сам Губерт.

– Это я, Губерт, – сказала Мария и хотела войти в квартиру, но Губерт молча и неподвижно стоял на пороге.

– В чем дело, Губерт? – удивилась Мария.

– А в том, – раздался визгливый голос возникшей за спиной Губерта молодой особы с пышной челкой на лбу, – что вы можете отправляться туда, откуда приехали. Мы не желаем иметь ничего общего с врагами народа!

– Ты с ума сошел, Губерт? – изумилась Мария. – Ведь это же моя квартира!

– Это наша квартира! – закричала супруга Губерта, а сам он, не произнеся ни единого слова, закрыл дверь.

Все это в тот же день Мария рассказала мне, горько улыбаясь и разводя руками. Вот так „Губерт в стране чудес”, – приговаривала она.

В общем-то Губерта вполне можно понять, – брошенный практически на произвол судьбы в чужой стране мальчишка был перепуган до полусмерти. После ареста Кольцова он был уже никому не нужен и сам вполне мог оказаться арестован за «порочащую связь».

Мария вместе с Юзиком поселилась в гостинице, начала ходить по инстанциям и вскоре поняла, что это совершенно бессмысленно. Старые друзья ничем не могли ей помочь, представители власти отказывались принимать ее. Мария осознала, что совершила большую ошибку, приехав в Москву, но пути обратно у нее уже не было. Она не могла покинуть СССР и должна была подумать о том, как жить здесь дальше, а для этого ей необходимо было получить гражданство.

Однажды, будучи в Коминтерне, она встретилась с Вильгельмом Пиком и Георгием Димитровым. «Георгий и Вилли, у меня к вам просьба, – сказала она. – Я приехала с Юзиком. Если со мной что-то случится, пожалуйста, постарайтесь, чтобы он попал в Коминтерновский детдом».

Друзья исполнили ее просьбу.

После того как 22 июня 1941 года Марию арестовали, они пристроили ребенка в интернат. Как и у многих коминтерновских детей, судьба Юзика была незавидна. Впрочем, о нем вообще мало что известно. Борис Медовой пишет, что Йозеф Грессгенер вырос мрачным, неуравновешенным парнем, после окончания интерната продолжать учебу не пожелал, и следы его потерялись.

Гораздо более примечательна история Губерта Лосте.

После выхода из детского дома в марте 1938 года Геберт был определен на завод «Фрейзер» имени Калинина учеником электрослесаря. Прожив три месяца в общежитии при заводе, он связался с Кольцовым, который, уступая его просьбе, дал согласие прописать его в квартире Марии. Тогда же он взял в жены комсомолку по фамилии Широкова.

В декабре 1938 года Губерт договорился с Кольцовым, что тот обеспечит ему материальную возможность учиться в техникуме, но через три дня того арестовали. Губерту пришлось вернуться на завод, где теперь, когда он стал практически родственником «врага народа», относились к нему совсем иначе. В автобиографии Губерт писал, что начальник начал к нему придирается, да так, что тот не выдержал и снова ушел с завода. Устроиться на хорошую работу он не смог, хотел даже вернуться в Германию к родителям, но выяснилось, что уезжать в сущности уже некуда. Семья эмигрировала куда-то во Францию, и жилось ей там нелегко. В итоге Губерт устроился на работу в Государственную библиотеку иностранной литературы. И в 1939 году подал заявление на гражданство.

После начала войны, как и всех неблагонадежных иностранцев, Губерта отправили в Казахстан, где до окончания войны он работал заведующим колхозной библиотекой. В 1943 году он женился, на сей раз уже вполне официально, на немке Амалии Андреевне Франк, и в 1946 году у супругов родилась дочь Элеонора. К тому времени Губерту доверили чуть более ответственную работу, нежели заведование библиотекой, – он стал участковым механиком в колхозе, и, судя по всему, с новыми обязанностями справлялся неплохо.

Когда закончилась война, Губерт попросил разрешение на выезд в Германию, но не получил его. Более того, видимо, его желание покинуть «страну чудес» насторожило органы безопасности, потому что в 1947 году совершенно неожиданно Губерта обвинили в краже. Совершился суд, в итоге которого он получил пять лет лишения свободы. И уже в тюрьме

он был повторно обвинен в чем-то совершенно «чудесном» – попытке взорвать лагерную водокачку, после чего к его сроку добавили еще семь лет...

В 1957 году, отсидев десять лет от положенного срока, Губерт написал в прокуратуру прошение о реабилитации. Его дело было пересмотрено и срок сокращен, Губерт вышел на свободу.

Возвращение Губерта Лосте в Москву произвело даже некоторый фурор. О нем все давно забыли, его никто не ждал, никто не знал, что делать с ним дальше. Губерт снова просил о том, чтобы его выпустили в Германию, но это было решительно невозможно. Набирала обороты холодная война, а Саарская область находилась на территории ФРГ, и возвращение мальчика из «страны чудес», хлебнувшего столько горя и лишений, безусловно, имело бы совсем не нужный для Советского Союза резонанс.

С Губертом решили договориться. Ему предоставили возможность жить там, где ему хочется. Губерт выбрал Крым. Ему предоставили дом и возможность работать механизатором в одном из колхозов. Ему даже разрешили встретиться с матерью. Отец и четверо братьей Губерта погибли, сражаясь во французском Сопротивлении, и фрау Лосте разрешили приехать в гости к последнему оставшемуся в живых сыну – они не виделись семнадцать лет. И получилось так, что встретились они в последний раз...

В августе 1959 года Губерт Лосте неожиданно умер в местной больнице от аппендицита. Его знакомые считают, что произошло это слишком своевременно, чтобы можно было поверить в естественность причин... Губерту было всего 36 лет.

11

Но вернемся в 1941 год к моменту ареста Марии Остен.

Постановление на ее арест было выписано в первый день войны – вероятно, Марию сочли особо опасным диверсантом, которого никак нельзя оставлять в тылу. И уже на следующий день чекисты ворвались в номер гостиницы «Метрополь», где она проживала вместе с Юзиком, арестовав ее и конфисковав ее имущество, состоявшее по описи из одного сарафана, двух пар трусов, одной пары туфель и пяти носовых платков.

Ее отправили во внутреннюю тюрьму Лубянки, и в тот же день состоялся первый допрос, где Марии были предъявлены обвинения.

Борис Сопельняк в книге «Смерть в рассрочку» пишет: «Обвинения, которые были предъявлены Марии, настолько нелепы, что просто диву даешься, как можно было принимать их всерьез. Судите сами. Марии заявили, что она является германской и французской шпионкой одновременно. Франция находится в состоянии войны с Германией, больше того, Франция побеждена и наполовину оккупирована, а Мария Остен поставляет Франции разведданные о Германии, а Германии – о Франции. Само собой разумеется, что обе страны получают секретную информацию о Советском Союзе. Основанием для такого рода обвинений стали показания уже арестованных „агентов иностранных разведок” Болеславской-Вульфсон и Литауэр».

Мария не признала себя виновной.

На следующий день, вероятно, из страха, что немцы захватят Москву и освободят своего агента, ее отправили в саратовскую тюрьму. И там уже начались настоящие допросы... Нет, ее не били и даже не особенно обижали, с ней обращались достаточно мягко. Просто убеждали принять вину, выдать сообщников, подробно расспрашивали о Кольцове. Каким он был... Что он любил... С кем предпочитал общаться... Мария отвечала на вопросы весело и честно – ей нечего было скрывать, и она радовалась тому, что следователя интересует Михаил. Она думала, что раз так – значит он еще жив! Убить ее оптимизм было решительно невозможно, несмотря на все пройденные ею за последнее время перипетии, она все еще верила в лучшее. Верила в то, что они с Михаилом выживут, что еще встретятся... Может быть, даже встретятся в лагере, в Сибири! Или – если уж не повезет, то потом, лет через десять или пятнадцать, когда закончится их тюремный срок и они выйдут на свободу. Они непременно встретятся и будут счастливы. У них все еще будет!

Она так и не признала свою вину, вероятно, следователю не так уж было это надо. В конце концов, кто такая эта Мария Остен? Кто будет интересоваться ее судьбой и правоммерностью вынесенного приговора?

6 декабря 1941 года Марии было предъявлено обвинительное заключение. И хотя следователь отметил, что «Остен виновной себя не признала», он рекомендовал определить ей высшую меру наказания.

Таким образом, следствие закончилось, но приговор был вынесен не сразу. По какой-то причине дело Марии рассматривалось судом лишь 8 августа 1942 года.

Рекомендация следователя была принята ко вниманию.

Марию Остен приговорили к расстрелу.

Приговор был приведен в исполнение 16 сентября.

12

Если есть жизнь после смерти – они наверняка встретились. Такая сильная любовь не может просто исчезнуть. Возможно, в день, когда расстреляли Михаила Кольцова, она не развеялась в стылom воздухе, а теплым комком свернулась под сердцем Марии Остен, заставив ее сражаться за любимого в самоубийственном, отчаянном порыве... А в день, когда пуля оборвала ее жизнь, куда ушла любовь? Возможно, к другим влюбленным, неожиданно воспламенив их чувства до наивысшего, предельного накала? И они будут гадать – откуда это, почему вдруг так?... Почему так страшно разомкнуть объятия и отпустить любимого?... Они не поймут, что эта любовь уже была прострелена навывлет, что она досталась им – раненая, истекающая кровью, и теперь ее надо особенно беречь... Чтобы не ранить вновь. А убить ее нельзя: любовь не умирает.

Да, хочется верить, что любовь не уходит из мира вместе с жизнью любящих. Что талант не уходит в небытие вместе с жизнью писателя... А еще, вглядываясь в трагедии прошлого, очень хочется жить и радоваться каждому дню, радоваться каждому ее проявлению, каждой крупице тепла и счастья, даже самой крохотной, едва заметной в суете будней. Как писал совсем еще юный Михаил Кольцов в единственном своем, но таком прекрасном стихотворении в прозе:

Очень хочется жить:

Когда на дворе идет бессменный и тусклый дождь;

Когда вспоминают о смерти детей;

Когда в соседнем доме играет кто-то на рояле;

Когда горничная выходит замуж и ласково ссорится на кухне с грузным женихом;

Когда бабы в платках крикливо торгуют на бульваре цветами;

Когда возвращаешься ночью из театра через сонный и грустный город;

Когда знаешь, что кто-то в тебя неразделенно влюблен;

Когда дерутся в переулке на окраине города петухи;

Когда читаешь Вербицкую и знаешь, что можно написать лучше;

Когда строят дом и кругом пахнет известью, свежим деревом и горячим асфальтом;

Когда к жесткой окоченелой хмурой земле подкрадывается весна
и

знаешь, что это будет еще не раз, всегда, всегда.

Рихард Зорге и Екатерина Максимова: «Не подходите к ней с вопросами...»

Рихард Зорге и Екатерина Максимова

– Зорге Рихард (4 октября 1895 года, Сабунчи, Бакинский уезд, Российская империя – 7 ноября 1944 года, Токио, Японская империя) – советский разведчик, Герой Советского Союза.

– Максимова Екатерина Александровна (1904 год, Петрозаводск, Российская империя – 3 июля 1943 года, поселок Большая Мурта, СССР) – начальница цеха завода Точизмеритель.

– Он – фантастически умный, обаятельный, хитрый, смелый, решительный, любитель приключений, один из талантливейших разведчиков за всю историю разведки.

– Она – тихая домашняя женщина, жертвенная натура, мечтавшая о настоящей семье, любви, детях.

– Он изменял ей постоянно.

– Она была безупречно верна и ждала его возвращения.

– Они познакомились в 1929 году, полюбили друг друга, но практически вся совместная жизнь их прошла в разлуке. В переписке они сказали друг другу, возможно, больше, чем в беседах с глазу на глаз.

– Оба друг для друга – вторые супруги. Свадьбу сыграли в начале 1933 года, официально узаконили брак 8 августа 1933 года, когда Рихард уже находился в Японии.

– Общих детей не было.

– В 1935 году они расстались навсегда, хотя переписка продолжалась до ареста Рихарда 18 октября 1941 года.

Есть люди, которые рождаются для мирной жизни, для покоя и уюта, а есть такие, кто создан для приключений, – для того, чтобы сражаться на войне, совершать революции, постоянно испытывать на прочность себя и мир вокруг, кого тянет к опасности. Иногда им даже может казаться, что они устали и хотят покоя, но это желание никогда не длится долго, скука, обыденность, рутина для них худшее из зол.

«Если бы я жил в мирных общественных и политических условиях, я, вероятно, стал бы ученым, но, несомненно, не стал бы разведчиком», – писал Рихард Зорге в «Тюремных записках», но вряд ли это действительно так. У Зорге был слишком авантюрный характер, он не смог бы жить спокойной жизнью обывателя. Не смог бы так жить долго... Даже в самых мирных условиях он несомненно нашел бы себе приключения. Собственно, он и находил их – всегда находил их сам.

В такого мужчину легко влюбиться.

Но очень нелегко быть его женой.

Вообще быть женой разведчика – невыносимый груз.

И тихая русская женщина Катя Максимова, которая приняла на себя этот груз и впустила в сердце эту любовь, останется одним из самых скорбных образов в и без того полной драм истории 30-х годов XX века.

1

Трудно сказать, можно ли в действительности назвать Рихарда Зорге «разведчиком № 1», но он был одним из лучших. У него был несомненный талант к профессии: способность мыслить нестандартно, быстро принимать решения, действовать не по правилам. Он был умен и прекрасно образован, он был талантливым журналистом с великолепными аналитическими способностями. Он был невероятно обаятелен и мог расположить к себе кого угодно – политика, военного, женщину – всех, кто по какой-то причине был ему нужен.

А еще он был азартен и бесстрашен, любил и ценил жизнь и умел брать от нее все самое интересное, захватывающее. Он гонял на мотоцикле. Он был не прочь подраться. Он устраивал веселые пирушки, напивался до беспамятства и встречался с хорошенькими девушками – о количестве его романов ходили легенды. Зорге был дважды женат, у него было множество любовниц, обожавших его, восхищавшихся им, и даже после расставания до конца жизни хранивших в сердце частичку любви и привязанности, потому что забыть его было просто невозможно.

Успешный, талантливый, удачливый, великолепный... У Рихарда Зорге было все и в то же время не было ничего. Находясь в центре внимания и всеобщей симпатии, он был очень одинок, собственно, как и любой разведчик, который вынужден хранить тайну и не может довериться ни друзьям, ни возлюбленным. Свой среди чужих – этого он с легкостью сумел добиться, несмотря на то что работать приходилось в чрезвычайно тяжелых условиях. Ведь перед началом Второй мировой войны в Японии прекрасно работала контрразведка и под неустанным наблюдением находились все без исключения иностранцы. Чужой среди своих – это было несправедливо и чертовски обидно. Напряженный и опасный труд разведчика не ценился по достоинству. В Советском Союзе Зорге не доверяли, и добытые им с риском для жизни сведения чаще всего ложились в папки под грифом «сомнительно» или даже «дезинформация».

Есть предположение, что именно Рихард Зорге назвал Сталину точную дату начала Великой Отечественной войны – 22 июня 1941 года. И даже если это не так, Зорге, несомненно, называл примерные сроки нападения Германии на Советский Союз, пытаясь убедить правительство, что война будет, несмотря на все пакты о ненападении и уверения в дружбе. Эти сведения, впрочем, были не уникальны и подтверждались многими разведчиками из-за границы и даже из Москвы, из немецкого посольства.

На самом деле Зорге сделал гораздо больше.

Вполне вероятно, что именно благодаря его влиянию на премьер-министра Коноэ Япония отказалась от идеи открыть второй фронт на Дальнем Востоке и вместо этого решила объявить войну Америке, в декабре 1941 года обрушив бомбовый удар на гавайскую базу военного флота Перл-Харбор. В Москву же отправилась долгожданная шифровка: в ближайший год Япония не намерена нападать на СССР. Теперь, после того как подтвердились все прошлые сведения, в правительстве Зорге поверили, и с дальневосточной границы были сняты несколько свежих дивизий, срочно отправленных в битву под Москвой, что, конечно, оказало огромное влияние на положительный исход сражения.

Даже Сталин в конце концов оценил разведчика Зорге, заявив, и совершенно справедливо, что тот один стоит целой армии. Это, впрочем, не помешало ему сказать чуть позже, когда Рихард был разоблачен японской контрразведкой и ожидал решения своей участи в токийской тюрьме: «Человек по имени Зорге нам неизвестен», – и подписать тому тем самым смертный приговор. Сталин мог бы спасти Зорге, японцы предлагали обменять его на кого-то из своих военных, находящихся в плену в СССР... Зорге был схвачен в октябре 1941 года, приговор ему был подписан в сентябре 1943 года, а приведен в исполнение лишь в ноябре

1944 года. Японцы до последнего рассчитывали, что СССР попытается выручить своего разведчика. Но это оказалось никому не нужно.

2

По поводу того, какую именно страну – СССР или Германию – Рихард Зорге считал своей родиной и всеми силами пытался защитить, до сих пор ведутся споры. Он родился в Российской империи, неподалеку от Баку, в поселке Сабунчи, 4 октября 1895 года, в семье немецкого инженера-нефтепромышленника Густава Вильгельма Рихарда Зорге и его русской супруги Нины Степановны Кобелевой и был десятым и самым младшим их ребенком. Нина Кобелева была второй женой Густава Зорге, его первая супруга Эмма умерла от эпидемии холеры, оставив сиротами четверых детей. От той же эпидемии умерли и родители Нины, оставив сиротами шестерых детей, которые воспитывались в приюте. Чтобы как-то прокормить младших братьев и сестер и вывести их в люди, Нина устроилась в прислуги к состоятельному немецкому господину, который вскоре, оценив ее красоту и качества великопепной хозяйки, сделал ей предложение. Состояние Зорге было достаточным для того, чтобы большая семья жила безбедно, он имел возможность содержать и жену и многочисленных детей и помочь родственникам Нины. Все ее братья и сестры получили хорошее профессиональное образование.

Когда Рихарду было три года, у его отца, которому в ту пору было уже сорок шесть лет, начались проблемы со здоровьем, и семья уехала в Германию. Они поселились в Ланквиге, дачном пригороде Берлина. Герр Зорге намеревался посвятить остаток жизни научной работе, но совет акционеров банка учредителя Германо-Русского общества по импорту нефти неожиданно попросил его занять место директора. Это было очень выгодное предложение, которое герр Зорге, разумеется, принял, став в одночасье настоящим respectableм господином.

«...Моя юность прошла в условиях относительно спокойной жизни обеспеченной немецкой буржуазной семьи, – писал Рихард Зорге. – Материальных проблем мы не знали. Наша семья во многих отношениях отличалась от других буржуазных семей. В ней господствовал особый жизненный уклад, наложивший отпечаток и на мое детство. И я сам, и мои братья и сестры в чем-то не походили на других детей».

Отец уделял много внимания образованию детей, стараясь развивать в них широкий кругозор. Он воспитывал сыновей будущими предпринимателями, коммерсантами, истинными империалистами, в патриотическом и даже националистическом духе. При этом мать, истинно русская женщина, больше заботилась об их духовности и не позволяла забыть о своей второй родине. Русский и немецкий языки были в доме Зорге равноправны. И Рихард впоследствии говорил, что всегда чувствовал себя более русским, чем немцем. Что ж, может быть, это и правда. Русская лихость и бесшабашность и умение увлекаться чем-то всей душой, невзирая на последствия, явно были ему более близки, чем присущая немцам расчетливость и педантичность.

В 1902 году Рихард поступил в повышенное реальное училище в Берлине, престижное учебное заведение со строгими правилами, основным из которых было стремление воспитать в учениках абсолютное послушание. Однако Рихард действительно был необычным ребенком. Он не терпел давления и всячески сопротивлялся системе. Учителя наверняка считали его трудным воспитанником. По собственному признанию Рихарда, он был драчуном, любил поспорить со старшими да и учился довольно посредственно. Впрочем, скорее можно сказать, что он учился неровно. «По истории, литературе, философии и, конечно же, по гимнастике, а также по уровню политических знаний я намного превосходил других учеников, – писал он в воспоминаниях. – Зато по другим предметам мои успехи были ниже среднего уровня».

Философия, история, литература, социология – это были те предметы, которые интересовали Рихарда больше всего. В пятнадцать лет он запоем читал Гете, Шиллера и Данте. Пытался постичь Канта. Он изучал историю Французской революции и Наполеоновских войн. А в социальных и политических вопросах разбирался лучше большинства взрослых. Одноклассники даже придумали ему весьма подходящее прозвище – «Премьер-министр».

Наверняка отец гордился бы им и был бы вполне доволен, если бы из сына вырос не предприниматель, а государственный деятель, который когда-нибудь действительно мог бы стать премьер-министром – у него ведь в самом деле были к тому все задатки! Но Густав Вильгельм Зорге умер в 1907 году, когда Рихарду было всего 12 лет. А без влияния отца, которого мальчик очень любил и почитал, он выбрал совсем не тот путь, который помог бы ему сделать хорошую карьеру. Рихарду импонировали «левые идеи». Еще будучи школьником, он вступил в социал-демократическое рабочее гимнастическое общество, ему нравилось общаться с простыми людьми больше, чем с братьями по классу. И пусть в то время мировоззрение его еще до конца не сформировалось, было уже совершенно ясно, что респектабельного и солидного бюргера из него не получится.

Впрочем, окончательно избавиться от иллюзий и выбрать жизненную позицию Рихарду пришлось уже очень скоро. Из мальчика мужчину выковала война.

3

Во время каникул учащиеся старших классов часто отправлялись в походы с кострами и палатками. Так же было и летом 1914 года. Возвращаясь в конце июля домой из Швеции, Рихард с товарищами заметили, что происходит что-то странное. Поезда были переполнены солдатами, в порту стояло множество военных кораблей, – мальчикам с трудом удалось добраться до Берлина. А вернувшись домой, они узнали ошеломляющую новость – объявлена всеобщая мобилизация! Германия готовится объявить войну Франции и России!

Не сообщив ни о чем матери, Рихард тут же помчался на призывной пункт и записался в армию добровольцем.

«Меня влекли непреодолимая жажда перемен и желание бежать от учебы и от образа жизни, казавшегося мне бессмысленным, – писал он позже. – Романтика военных приключений была слишком притягательной для моих восемнадцати лет».

Конечно, он был не один такой. Всех немецких мальчиков с раннего детства воспитывали патриотами, а уж с началом войны пропаганда начала работать так усердно, что молодежь, позабыв об учебе, колоннами шла записываться в солдаты. Романтика военных приключений для многих из них закончилась плачевно: многие из этих мальчишек не вернулись домой живыми. А те, кто вернулся, не слишком гордились своим ратным трудом.

На фронте патриотическое воодушевление Рихарда очень быстро иссякло. Германия увязла в войне, которая, как оказалось, состояла не из подвигов и приключений бравого победного марша тоже не получилось, а из выматывающей муштры, грязи, крови и idiotских приказов командиров. И самое главное – Рихард начал понимать, что солдаты сражаются и гибнут, по сути, за чужие интересы – это было особенно обидно.

Рихарду повезло – он выжил. Хотя и был трижды ранен. Первые два раза отделался легко. В госпитале он много читал и даже сдал экзамены за десятый класс, получив аттестат зрелости. После второго ранения он был награжден Железным крестом II степени за храбрость и получил звание унтер-офицера.

Третье же ранение едва не стоило Зорге жизни. В битве под Верденом, одном из самых масштабных сражений Первой мировой войны, Рихард участвовал в разведывательной операции и получил осколочные ранения обеих ног. Истекая кровью, он провисел на колючей проволоке под огнем трое суток. И выжил чудом – после того, как бои закончились, кто-то из проходящих мимо солдат услышал его слабый стон. Рихарда отправили в госпиталь, и следующие несколько дней он находился между жизнью и смертью, перенес несколько сложных операций. Это ранение навсегда оставило память о себе: врачи были вынуждены удалить часть кости из его ноги, которая стала из-за этого немного короче другой, и с тех пор Зорге немного хромал.

Многие знакомые Зорге уверяли, что к нему всегда притягивались интересные люди, как-то сами собой, без особых усилий с его стороны. В Кенигсбергском госпитале произошла одна из таких встреч. Вряд ли она была в чем-то решающей, но уж точно – вдохновляющей!

За симпатичным раненым офицером ухаживала юная и очень хорошенькая медсестра, которая прониклась к нему самым искренним расположением. Рихард платил ей ответными чувствами, и как только он пошел на поправку, молодые люди стали любовниками. Отец девушки, работавший врачом в том же госпитале, оказался марксистом и очень полюбил разговаривать с Рихардом, найдя в нем интересного собеседника. Однажды он рассказал ему, что читал труды человека с фамилией Зорге – это был один из первых коммунистов, соратник Карла Маркса, после революции 1848 года бежавший в Америку и умерший не так давно, в 1906 году. Его звали Фридрих Адольф Зорге. И не является ли Рихард родственником этого

выдающегося человека? Как выяснилось – является! Фридрих Адольф оказался его двоюродным дедом. Просто в уважаемой семье герра Зорге об этом прискорбном родстве предпочитали не вспоминать. Рихарда очень порадовало наличие такого предка. Оказывается, в его жилах течет кровь революционеров, ему есть с кого брать пример!

В январе 1918 года Зорге демобилизовали. Из-за хромоты он больше не был годен для несения воинской службы, и теперь ему предстояло выбирать какое-то новое поприще, куда он мог бы приложить свои силы и талант. Но прежде необходимо было закончить образование и получить профессию...

4

Рихард вернулся в Берлин.

Дома все было довольно скверно. Измученный войной город жил голодно и бедно. Не обошли лишения и семью Зорге. Большую часть состояния, заработанного отцом, сожрала инфляция, и дети ссорились из-за его остатков. Мать вынуждена была оставить дом и снять квартиру отдельно.

Рихард чувствовал себя в семье чужим, никто из его братьев и сестер не поддерживал его идей, да и Берлинский университет, куда он поступил учиться, ему показался слишком консервативным.

Немного подумав, Рихард решил уехать продолжать учебу в Киль и там поступить в университет, чтобы изучать социологию и экономику.

Жизнь в провинциальном Киле оказалась менее унылой, чем в Берлине, и Рихард с энтузиазмом устремился к общественной деятельности. Летом 1918 года он вступил в Независимую социал-демократическую партию Германии и сразу начал принимать активное участие в ее работе.

В Кильском университете Рихард познакомился с профессором Куртом Альбертом Герлахом, с которым очень быстро подружился, обнаружив в нем человека близкого себе по духу и убеждениям. Даже жизненный путь у них оказался во многом схож. «Как и Рихард, профессор был выходцем из буржуазной среды – впрочем, он давно порвал всякие связи с отцом, директором фабрики. Герлах занимался изучением профсоюзного движения, актуальнейшими в то время вопросами охраны труда, долго жил в Англии и даже вступил там в лейбористскую партию. С началом войны он ушел на фронт, служил шофером в санитарном батальоне и хотя не был непосредственно на передовой, но тоже навиделся немало. В Киле Герлах, кроме работы в университете, негласным образом читал лекции на тему „Социализм и коммунизм”», – пишет один из биографов Зорге Елена Прудникова.

Рихард проводил много времени в доме у Герлаха, и естественным образом сложилось так, что он подружился и с его женой Кристиной – юной барышней, которой в ту пору было двадцать лет и которая вскоре начала питать к нему нежные чувства. Рихард не то чтобы пытался отбить жену у друга, но, как говорят, совсем не препятствовал ей влюбляться в себя. А не влюбиться в него было просто невозможно. Кристина вспоминала позднее: «К нему тянулись и женщины, и мужчины. У него был глубокий, пронизывающий взгляд, привлекающий к себе и от которого нигде, казалось, нельзя скрыться. Если женщина попадала в обозримое им поле, она была уже в его плену. В плену легком, туманном, обаятельном...»

Профессор Герлах, разумеется, не был слеп, но предпринимать ничего не пытался. Возможно потому, что считал себя человеком передовых взглядов и ставил личную свободу выше святости брака. А может, потому, что, несмотря на молодость – ему было всего около тридцати лет, Герлах тяжело и неизлечимо болел, и ему было просто не до чувственных страстей. Все, что занимало его, кроме собственного здоровья, – это работа и общественная деятельность, и дружба с Рихардом Зорге ценилась им гораздо больше отношений с женой.

Как бы там ни было, после того как Рихард защитил диссертацию, все вместе они переехали в Ахен, где Герлах начал преподавать на кафедре экономических наук высшей технической школы, а Зорге стал его ассистентом. Тогда же он вступил в совсем еще молодую и очень импониравшую ему коммунистическую партию – это знаменательное событие произошло 15 октября 1919 года. С самого момента своего основания КППГ подвергалась гонениям и находилась то официально, то полуофициально под запретом, носить гордое звание коммуниста и уж тем более заниматься какой-то пропагандистской деятельностью было

откровенно опасно, стоит ли говорить, что для Зорге это явилось дополнительным стимулом активной работы, исключительной возможностью чувствовать себя по-настоящему живым.

К тому времени его роман с Кристиной зашел настолько далеко, что Герлах окончательно убедился в том, что это не просто увлечение, которое отгорит и угаснет. Поэтому однажды он предложил жене развод.

Кристина не ожидала этого и растерялась. Такой серьезный шаг требовал взвешенного решения, и она уехала на родину в Южную Германию, в дом, где выросла, чтобы все хорошенько обдумать. А вернувшись, собрала свои вещи и переехала от мужа к Рихарду.

Для маленького провинциального городка это был настоящий скандал. Общественность возмутилась подобной безнравственностью. Зорге и его возлюбленную даже пытались выселить из города, и хотя сделать этого не удалось – не было никаких юридических оснований, им пришлось уехать самим, потому что жить в обстановке постоянной травли было совершенно невозможно.

В 1921 году влюбленные поселились в Золингене, где Зорге некоторое время работал редактором коммунистической газеты «Бергише арбайтерштимме» и где они с Кристиной наконец официально оформили свои отношения. Чуть позже, в октябре 1922 года они переехали во Франкфурт-на-Майне. Профессор Герлах, кстати, путешествовал с ними – развод с женой не разрушил его дружбу с Рихардом, они по-прежнему не расставались. Вместе они устроились преподавать социологию в местный университет. У Герлаха были обширные планы на будущее, но им не суждено было сбыться. В 1923 году он скончался. А Рихард и Кристина начали обустраивать семейную жизнь на новом месте.

«Рихард – не сказать чтобы совсем, но в достаточной мере, – был равнодушен к денежной и бытовой стороне жизни, однако теперь появилась жена, и неплохо было бы обзавестись сносным жильем. Им все удается, инфляция и жилищный кризис этой пары словно не касаются – по-видимому, платят в институте достаточно хорошо. В парке возле богатого особняка они сняли конюшню с жилым помещением для конюхов и переделали жилую часть в симпатичный домик. Художник из числа друзей Зорге занялся оформлением комнат, покрасив одну в красный, другую в желтый, а третью – в голубой цвет. Несмотря на нетрадиционное оформление, дом притягивал к себе людей. Сюда во множестве приходили друзья Рихарда по институту и редакции газеты, вечером собирались художники, музыканты, писатели. В общем, было весело – не менее весело, чем в доме Герлаха», – пишет Елена Прудникова.

Для Кристины это был лучший период их совместной жизни, она была совершенно счастлива. В ее воспоминаниях о муже много нежности: «Рихард любил кошек и собак и играл с ними, как мальчишка. Не будучи особенно разборчивым в еде, он тем не менее с удовольствием готовил. Его меню было не очень обширным, однако определенно больше моего... Если блин разваливался, он мрачнел. Его не утешало даже, если я называла бесформенное произведение его кулинарного искусства королевским блюдом...»

Рихард тоже был вполне счастлив. От скуки слишком спокойной бюргерской жизни его спасала активная деятельность в КПП, в которой он быстро добился уважения и доверия. До весны 1924 года партия была под запретом, да и потом, когда коммунистам ценой больших усилий удалось легализоваться, отношение к ним властей было, мягко говоря, не особенно лояльным. Полиция бдительно присматривала за смутьянами, готовая к арестам за самые мелкие правонарушения.

Как раз в это время КПП решила провести очередной международный съезд, и выбор пал именно на Франкфурт-на-Майне. В городе проходила выставка, ожидалось множество гостей, и организаторы сочли удобным воспользоваться этим обстоятельством – в разношерстной толпе было легко затеряться даже коммунистам из других стран.

Рихарду как наиболее ответственному и предприимчивому товарищу доверили обеспечить безопасность советской делегации. «Гостей из Москвы надо было расселить, обеспечить возможность работы, конспирацию, маскировку – все, вплоть до одежды, ибо советские люди своими костюмами и манерами резко отличались от европейцев. В конце концов Зорге привез их к себе. Соседи привыкли, что в домике над конюшней все время горит свет, ходят самые разные люди, и давно уже ни на кого и ни на что не обращали внимания. Сам Зорге, выходя по вечерам погулять с овчаркой, проверял окрестности на предмет наличия шпииков – все было спокойно».

Рихард подружился с товарищами из Москвы. Как и многие прогрессивные люди на Западе, он восхищался страной победившего социализма, был влюблен в ее имидж, романтический и суровый. Товарищи из Москвы, в свою очередь, не могли не оценить способности, ум и талант коммуниста Зорге и предложили ему работу в Коминтерне. Рихард не раздумывая согласился. Ему хотелось побывать на своей второй родине, ему хотелось настоящей серьезной работы, чего-то нового и интересного.

Кристина согласилась ехать с ним легко и без раздумий – ей тоже нравились приключения, но главным образом, конечно, ей просто не хотелось расставаться с мужем. Ей казалось, они смогут быть счастливы везде. Она и предположить не могла, что Советская Россия окажется тем самым рифом, о который разобьется лодка их любви – жизнь в стране победившего социализма оказалась гораздо более спартанской, чем она могла себе предположить.

Полгода ушло на оформление документов, и в декабре 1924 года Рихард с Кристиной приехали в Москву. Приехали не просто на экскурсию – приехали жить... Рихард получил советское гражданство, в марте 1925 года вступил в ВКП(б), занимался своей любимой социологией, писал для журналов «Коммунистический интернационал» и «Красный интернационал профсоюзов», в «Большевик» и в «Мировое хозяйство и мировая политика», освещающая проблемы революционного движения в Германии, и выполнял прочие задания Коминтерна.

Кристина устроилась работать в Институт марксизма-ленинизма – ей предстояло заниматься переводом трудов Карла Маркса. Зорге с детства хорошо знал русский язык, ей же предстояло выучить его, как говорится, «с нуля», причем за короткий срок, и это оказалось нелегко, поэтому работа продвигалась трудно. К тому же Кристину совершенно убивала неустроенность быта... После их милого и уютного домика в Германии комнатуха в гостинице, которую им щедро выделили под жилье, приводила ее в уныние.

Прошло не так уж много времени, и Кристина начала скучать по родине. К тому же... их страстная любовь с Рихардом как-то вдруг начала остывать, они уже не так нуждались друг в друге, как раньше, даже летний отпуск 1926 года провели порознь: Кристина отдыхала в Сочи, Рихард же отправился в Баку, чтобы встретиться с родственниками, которых никогда не видел, посетил он и поселок Сабунчи, нашел дом, где когда-то родился и где прожил первые три года своей жизни. Кристине он даже не стал рассказывать об этом, только упомянул, что ездил в Баку. По всему выходило, что они стали совсем чужими людьми... Как это случилось и почему? Неужели только потому, что Кристине так уж невыносимо было жить в Советской России? Или, может быть, она не могла простить ему измен? Говорили, что Рихард не пропустил ни одной хорошенькой машинистки из Института марксизма-ленинизма. Кристина работала там, и наверняка слухи об изменах мужа доходили до нее. А может... любовь просто умерла. Так тоже бывает.

Как бы там ни было, но в конце 1926 года Кристина уехала в Берлин. Супруги не оформляли развода и не прощались навсегда, но между тем оба понимали, что обратно Кристина уже не вернется. Рихард не делал попыток удержать жену или как-то объясниться, оставляя ей возможность самой решать судьбу их отношений. Любовь вспыхивает сама. Сама и гаснет. Что толку пытаться реанимировать труп?

Их следующая и последняя встреча состоялась в 1932 году, когда Рихарду понадобилось расторгнуть брак и нужно было оформить документы. Впрочем, с Кристиной, как и со всеми своими женщинами, он сохранял дружеские отношения, они даже переписывались время от времени. И Рихард хранил ее письма так же бережно, как письма своей второй жены, Кати Максимовой.

5

История Кати Максимовой чрезвычайно печальна. Не могло быть иначе – участь жены разведчика, который годами не появляется дома, всегда не сахар, но на долю Кати выпало совсем уж мало счастья, будто судьба за что-то ополчилась на нее.

Екатерина Александровна Максимова родилась в 1904 году в Петрозаводске в семье служащего и была старшей из трех сестер. «Сейчас мало кто вспомнит, проходя мимо кино-театра „Победа“, что когда-то на этом месте стоял просторный дом, – пишет Исаак Бацер. – В нем и подрастали три сестры – Катя, Мария и Татьяна... В этом доме по вечерам весело светились окна. И когда приходили многочисленные гости, то они охотно слушали, как Таня играет на фортепиано, а Катя читает стихи, чаще всего Александра Блока».

Катя была талантливой девочкой, хорошо училась, знала немецкий и французский языки, занималась в театральной студии, которой руководил известный в то время драматург Юрий Николаевич Юрьин (настоящая фамилия Вентцель). Она играла главные роли в спектаклях и, видимо, подавала надежды, потому что после окончания школы по настоянию Юрьина с легкостью поступила в Ленинградский институт сценических искусств.

И возможно, ее карьера актрисы сложилась бы вполне успешно, если бы не вмешался случай. Однажды на улице Катя случайно встретила любимого преподавателя Юрия Юрьина. Выглядел этот совсем молодой еще мужчина очень плохо, будто в одночасье состарился на двадцать лет, шел, опираясь на палочку. На встревоженные вопросы бывшей ученицы он ответил, что очень болен. Тяжелая форма туберкулеза сжирала его легкие, и надежды на выздоровление не было никакой... В довершение всем несчастьям Юрьина бросила жена, оставив ему на попечение маленькую дочь, что, пожалуй, было уже где-то за гранью добра и зла.

Была ли Катя влюблена в Юрьина или же просто ей стало его жаль, но она не раздумывая вышла за него замуж, бросила свою едва начавшуюся карьеру, уволилась из театра и направила все свои силы на то, чтобы его поддержать. Луначарский отправил Юрьина в Италию, написав ему рекомендательное письмо к Горькому, проживавшему в то время на Капри, и Катя отправилась вместе с ним. Рассчитывала ли она, что Юрию станет легче, и он, может быть, даже поправится? Или же ей хотелось скрасить последние дни его жизни? Наверняка она надеялась на лучшее... Живительный климат Италии, хороший уход и забота могли совершить чудо. Но, увы, этого не произошло. Через несколько месяцев, осенью 1927 года Юрьин умер. Катя вместе с маленькой Наташей вернулась на родину.

Продолжить театральную карьеру Катя не смогла. Почему – не совсем понятно. Может быть, в Москве, куда она была вынуждена переехать к родственникам мужа, ее таланту не нашлось применения. Некоторые биографы туманно намекают, что после нескольких месяцев жизни за границей Кате «не доверяли». Не доверяли настолько, чтобы запретить работать в театре? Это предположение кажется несколько странным... Еще более нелепым выглядит предположение, что Катя предпочла заниматься «более пролетарским» физическим трудом из принципа.

Какое-то время Катя скиталась по родственникам, потом друзья Юрьина выхлопотали для нее комнату в полуподвальной коммуналке в Нижнем Кисловском переулке, они же устроили ее аппаратчицей на завод «Точизмеритель». Не слишком подходящая работа для девушки с прекрасным образованием и к тому же дипломированной актрисы, но, видимо, выбирать было совсем не из чего, нужен был хоть какой-то заработок. Катя, впрочем, не роптала на судьбу, смиренно приняв сложившееся положение вещей и находя отдушину в редких поездках домой – в Петрозаводск, где жили родители и сестры, где она могла хоть

ненадолго окунуться в прежнюю счастливую жизнь, поговорить о театре, вспомнить свои старые роли, а по вечерам почитать стихи Блока...

Ее жизнь в очередной раз круто переменилась в 1929 году, когда Катя однажды возвращалась из Петрозаводска в Москву. В поезде она познакомилась с товарищем из Коминтерна немцем Вилли Шталем, с которым они очень мило пообщались. Катя исправила несколько неловких фраз Вилли, тот посетовал, что плохо знает русский язык, и вдруг предложил ей работу учительницей. Катя, разумеется, согласилась – ей совсем не помешала бы прибавка к жалованью, да и потом, это было просто интересно. Вилли обещал зайти к ней как-нибудь вечером и действительно стал приходить регулярно и брать уроки. Кстати, вряд ли такое было бы возможно, если бы Кате действительно «не доверяли».

Как-то раз Вилли Шталь пришел на занятия вместе с другом, высоким симпатичным немцем с внимательными серыми глазами и обаятельной улыбкой.

– Рихард, – представился он и протянул руку для пожатия. – Вы себе и представить не можете, Катя, насколько владеет мной желание хорошо говорить по-русски. Может быть, потому, что один добрый знакомый, я бы сказал, соратник моего близкого родственника тоже желал знать русский язык.

– Кто же это? – с любопытством спросила Катя.

– Карл Маркс, – ответил гость и стал рассматривать книги на ее этажерке.

Неужели Рихарду Зорге нужны были уроки русского языка? Что ж, может, он действительно подзабыл его с детства, а может, никогда и не знал на том уровне совершенства, какой ему хотелось бы. Он ведь был теперь советским гражданином и собрался прожить в СССР остаток жизни.

Если это и не была любовь с первого взгляда, то взаимное притяжение между Рихардом и Катей определенно возникло с первого же момента встречи – как только они взглянули друг другу в глаза. Рихард был очарован Катей, и та за какой-то миг оказалась в том «легком и обаятельном плену», о котором говорила Кристина Герлах. Очень быстро они сблизились и подружились, и вскоре общение их вышло далеко за рамки изучения русского языка.

«Им было интересно друг с другом. Они вместе бродили по Москве, рылись в книгах в букинистических магазинах, вместе слушали музыку, говорили о политике, – пишет Николай Хохлов. – Здесь учителем становился он, социолог, публицист, специалист по Восточной Азии. Он рассказывал Катюше о культуре Японии и Китая, читал японские пятистишия – танка... А Катя читала ему стихи Блока, своего любимого поэта...»

Они проводили все больше времени вместе, и постепенно влюбленность переросла в настоящее серьезное чувство. Они уже не мыслили жизни друг без друга и собирались быть вместе всегда, полагая, что никто и ничто не сможет им помешать.

Катина сестра Мария вспоминала: «Однажды сестренка приехала домой какая-то очень необычная. Вообще-то она была человеком крайне сдержанным, а тут все улыбалась, напевала что-то. А потом и говорит: „Знаешь, я встретила замечательного человека, он немец, коммунист“. И рассказала про Ику. (Так называли Рихарда близкие друзья.) И так о нем говорила, что мы сразу поняли, как сильно она его полюбила. Она тогда еще сказала: „Что бы ни случилось, я его никогда не забуду...”»

Вместе они встретили новый 1930 год.

А потом Рихард исчез.

6

Работа на Коминтерн быстро наскучила Рихарду Зорге. Она не давала ему необходимой свободы – начальство постоянно требовало отчетов и следило за каждым шагом. К тому же она оказалась не особенно интересной. Как ученый и как журналист Рихард ездил по миру, занимался организаторской работой в компартиях, но эта была слишком легкая, слишком безопасная деятельность.

Как именно состоялся его переход в разведку, существует несколько версий. Одна из них та, что Ян Берзин, тогдашний глава 4 (разведывательного) отдела РККА, обратил внимание на энергичного немца и предложил ему работу, на которую тот радостно согласился. Другая версия – что Зорге нашел эту работу сам и познакомился с Берзиным посредством рекомендаций друзей. Эта последняя версия кажется более правдоподобной. Дело в том, что в разведуправлении не поощрялось брать на работу сотрудников Коминтерна. Помимо прочих, на то была вполне объективная причина: коммунисты из западных стран практически все состояли на учете в полиции, из-за чего их конспиративная деятельность весьма осложнялась. Стоило только слегка копнуть такого агента, и неизбежно выплывала информация о его коммунистическом прошлом. Рихард в этом плане не был исключением, немецкая полиция имела на него обширное досье.

Тем не менее в 1929 году Зорге уже не числился членом Коминтерна и работал на четвертый отдел, скорее всего не официально, но сути это не меняет. Рихард был увлечен странами Восточной Азии и хотел отправиться в Китай. Он сам разработал план своего внедрения, сам определил свою деятельность в качестве разведчика. Берзин же просто его поддержал, он ценил в агентах самостоятельность и инициативу, и готов был предоставить Зорге возможность проявить себя. Подготовка его как агента была очень короткой. Пара месяцев инструктажа – и уже в январе 1930 года Зорге отбыл на задание. Впрочем, не следует думать, что начинающего разведчика просто кинули в омут с головой, разумеется, он ехал не один, а в составе группы. Просто вскоре после прибытия в Шанхай обстоятельства сложились так, что ему пришлось работать самостоятельно.

Легенда Зорге была проста и вместе с тем вполне надежна – он прибыл в Китай как немецкий журналист и действительно писал статьи в какие-то сельскохозяйственные издания, получая хорошие гонорары. Возьмем кто желание проверить – его биография выглядела кристально чистой.

Агентурную сеть в Китае Рихард начал создавать с помощью американской журналистки Агнес Смедли, весьма одиозной особы, симпатизировавшей коммунистам и имевшей обширные связи в Шанхае в самых разных кругах. Рихард был наслышан об Агнес еще во время путешествий по Европе и постарался познакомиться и подружиться с ней сразу же после прибытия в Китай. Разумеется, это не составило для него труда. Агнес была очарована симпатичным немецким журналистом, и вскоре после знакомства они стали любовниками. Впрочем, Рихард не играл с ней втемную. Он понял, что вполне может доверять Агнес, и рассказал ей правду о себе. Как и предполагалось, та пришла в восторг от того, что может поработать на разведку страны победившего социализма, и принялась помогать Рихарду с удвоенной силой.

У Агнес Смедли интересная биография. К своему довольно значительному в журналистских кругах положению она выкарабкалась из самых низов и исключительно благодаря предприимчивости и авантюрному характеру. Она родилась в штате Миссури в 1892 году в очень бедной семье. Мать ее была прачкой, отец – батраком-индейцем, который вскоре после рождения дочери бросил семью и исчез в неизвестном направлении. Агнес с юных лет была вынуждена работать прислугой, так и не получив нормального образования, и ее

путь к карьере журналистки был тернист и замысловат: она работала судомойкой, официанткой, поденщицей на табачных плантациях, продавала какую-то местную газету, для которой однажды и начала писать статьи. Она активно занималась самообразованием, посещая всевозможные лекции, на которые только могла попасть, смогла поступить в педагогическое училище, потом на вечернее отделение Нью-Йоркского университета. Некоторое время Агнес работала учительницей в маленькой деревеньке, но вскоре ей это надоело, она вернулась в город и теперь уже занималась исключительно журналистикой. «Она работала в редакции журнала в Нью-Йорке, в Сан-Франциско вышла замуж за инженера, с которым вскоре разошлась, а еще занималась профсоюзной работой, была репортером нью-йоркской социалистической газеты „Колл“, – пишет Елена Прудникова. – По ходу работы познакомилась с индийцем Чаттопаддья, с которым вскоре сошлась, а заодно и заинтересовалась проблемами национально-освободительной борьбы в Индии и Китае. Вслед за индийским другом Агнес переехала в Берлин, побывала в Москве на конгрессе Коминтерна. За это время она от умеренно-социалистических убеждений перешла к коммунистическим, написала множество статей и книгу „Дочь земли“ и рассталась с Чаттопаддья. В 1928 году ей, теперь свободной, газета „Франкфуртер цайтунг унд хандельсблатт“ предложила поехать в Китай в качестве специального корреспондента. Агнес согласилась, прибавила к немецкому контракту договоры с несколькими итальянскими газетами и в мае 1929 года была уже на месте... Особое внимание Агнес обращала на военных. В ее картотеке имелись сведения о 218 генералах – от сугубо официальных биографий до перечня жен и любовниц. Она интересовалась всем: политикой, военными делами, торговлей, ситуацией на фронтах – всем!»

О характере Агнес и ее деятельности в Китае пишет Ральф де Толедано в книге «Шпионы, простофили и дипломаты». По его краткой характеристике вполне можно представить образ этой героической женщины: «Лицезрение Китая и китайцев доставляло ей почти физическую боль, но она не оставляла попыток полюбить их. Не говоря на китайском и ничего не зная ни о стране, ни о народе, она сразу же принялась „авторитетно“ писать о китайской политике. Если китаец был с ней любезен, она делала вывод, что это шпик из полиции. Если же он бывал с ней груб, то это был, по ее мнению, фашист из Гоминдана. Однажды в Харбине она вошла в офис президента Торговой палаты и фактически обвинила его в торговле опиумом. А когда с китайской учтивостью он проигнорировал ее нападки и любезно осведомился о ее здоровье, она восприняла это как признание им своей вины и пример двуличия и лицемерия. Вращаясь почти исключительно среди коммунистов и их симпатизантов, она всякий раз возмущалась тем, что полиция относится к ней с подозрением. Когда однажды культурные китайцы из высших слоев общества пригласили ее на обед, она, напившись за их счет, принялась всячески оскорблять хозяев и потом продолжила бесчинства на улице, крича: „А ну-ка, выходите все сюда и давайте набьем дом рикшами-кули! Давайте докажем, что в Китае нет классов!“»

С Рихардом они прекрасно сработались и составили совершенно безумный и восхитительный тандем. Самое главное – весьма эффективный.

Работа в Китае была интересной, по крайней мере, не скучной. И не была сопряжена с такой степенью опасности, какая впоследствии будет грозить Зорге в Японии. К иностранцам в Китае относились с большим уважением, они жили компактно на специально отведенной для них территории (сеттльментах), где не действовали местные законы.

«Китай в то время был одним из центров деятельности всех мыслимых и немыслимых разведок, какие только существовали на земном шаре. Отчасти потому, что для работы спецслужб условия в этой стране были более чем комфортными. До 1927 года ее можно было назвать „раем для шпионов“. Контрразведки всех властей занимались почти исключительно борьбой с агентами соперничающих группировок, и до иностранных разведчиков у них просто не доходили руки. Во многих случаях для работы даже не требовалась агентура. Бездну

информации можно было получить просто-напросто за коктейлями в иностранных клубах. Газеты септльментов и концессий печатали любую информацию, попадавшую к ним в руки, в том числе и секретную – „белых людей” нисколько не волновали проблемы безопасности какой-то там азиатской страны. Кроме того, имелось множество бюро, успешно торговавших любыми сведениями и материалами. Коррупция в китайской администрации, полиции и армии достигала колоссальных масштабов, а основная масса населения жила чрезвычайно бедно и за очень небольшие деньги была готова на все», – пишет Елена Прудникова. Пришедший в 1928 году к власти генералиссимус Чан Кайши пытался изменить ситуацию, но не особенно преуспел.

Работа разведчика не шла ни в какое сравнение с унылой деятельностью представителя Коминтерна, она проходила большей частью не в кабинетах, а на светских приемах и в увеселительных заведениях – что и понятно, в непринужденной и дружеской обстановке легче всего можно было добывать важные сведения, особенно такому человеку, как Зорге, который быстро заводил знакомства и был прекрасным собеседником и собутыльником. Рихарда вполне устраивал подобный образ жизни, он с удовольствием ходил по кабакам и был душой любой компании: много пил, активно общался, порой в пьяном виде ввязывался в драки, и в процессе всего этого веселья он получал массу полезных сведений из уст политиков и генералов, которые чуть позже его радистка Майя Улановская отправляла в СССР.

С помощью Агнес Смедли Рихард стал членом Китайского автомобильного клуба, президентом которого был сам главнокомандующий войсками Чан Кайши и нередко принимал участие в состязаниях автомобилистов. Как-то раз во время гонок Рихард почти у самого финиша обогнал роскошный американский автомобиль президента клуба. «Лицо Чан Кайши исказилось от гнева – он всегда выходил победителем. Да и кто бы осмелился обогнать генералиссимуса! – описывали это событие биографы Зорге С. Голяков и И. Ильинский. – Рихард гнал свою машину на полкузова впереди Чан Кайши. Лишь у самого финиша он смирил азарт спортсмена – сбросил газ. Машина Чан Кайши первой пересекла заветную линию. Генералиссимус сиял. Он подошел к Зорге, пожал руку достойному сопернику, поинтересовался, кто он и откуда. Отныне Зорге мог надеяться на его благосклонность». А однажды, чтобы сбить спесь с хвастливого генералиссимуса, Зорге совершил форменное хулиганство: начал свечи зажигания в машине Чан Кайши обычным графитом, так что искра отклонилась и контакта не произошло. Привыкший к победам президент клуба не вышел на старт, пока не нашел неполадку, и был ужасно зол. Хулиганство это, кстати говоря, могло закончиться очень плохо, за такие шутки в Китае можно было запросто распрощаться с жизнью. Но зато как же было весело!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.